

Федеральное агентство по образованию
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Амурский государственный университет
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет социальных наук

И.А. Шахова

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ХРЕСТОМАТИЯ

Благовещенск 2022

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
факультета социальных наук
Амурского государственного
университета*

Шахова И.А.

Социология религии: хрестоматия /И. А. Шахова, Фак. соц. наук –
Благовещенск: АмГУ, 2022. - 72 с.

Хрестоматия предназначена для студентов факультета социальных наук очной и заочной форм обучения, изучающих социологию религии. В хрестоматии определены цели и задачи учебного пособия, структура ее содержания, литература, тематика работ для самостоятельного изучения.

Рецензенты: А.К. Леонов, *канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социологии АмГУ*

© Шахова И.А., 2022

© Амурский государственный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Тема 1. Проблемы религии в социологии О. Конта	6
Тема 2. Социология религии Г. Зиммеля	11
Тема 3. Э. Дюркгейм о религии	18
Тема 4. Сакральное мышление	23
Тема 5. Религия, религиозность, тотальность	26
Тема 6. История русского раскола	33
Тема 7. Драма русского раскола	39
Тема 8. Религия о браке и семье: христианская этика	47
Тема 9. Религия, которая убивает: тоталитарные секты	57
Тема 10. Система искусств в структуре мировых религий	67

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая хрестоматия по социологии религии предназначена для студентов факультета социальных наук по направлению подготовки 39.03.01 «Социология» направленности образовательной программы «Социологические и маркетинговые исследования», изучающих социологию религии. Издание хрестоматии по указанной дисциплине имеет цель восполнить образовавшуюся нишу в учебной обеспеченности по социологии религии.

Хрестоматия по социологии религии имеет прикладную направленность материалов. Она является дополнением к учебникам по социологии религии в распоряжении электронной базы университета.

В хрестоматию включены тексты и работы классиков социологии и современных исследователей религии. Помимо работ специалистов-социологов использованы фрагменты работ историков, философов, психологов, необходимых для понимания тех или иных проблем социологии религии. Таким образом, благодаря хрестоматии основная масса студентов практически получит возможность работать с текстами, без знания которых невозможно сколько-нибудь серьезное изучение социологии семьи.

Хрестоматия по социологии религии является особым видом учебного пособия для учащихся, своим содержанием дополняющим и расширяющим базовый учебник. Использование преподавателем на практических занятиях хрестоматийных материалов позволяет студентам выявить разнообразные аспекты современного состояния института религии и его историческую эволюцию.

Хрестоматийные выдержки оформлены в виде отдельных статей, иллюстрирующих теоретические положения, являющиеся содержанием учебных тем. Они также могут иметь статус самостоятельных дидактических единиц и по усмотрению преподавателя оформляются в качестве экзаменационных вопросов. Данные материалы целесообразно использовать

на лекционных и семинарских занятиях для закрепления теоретических положений и понятий курса, раскрываемых на лекциях, а также для организации самостоятельной работы студентов.

Хрестоматия может быть использована преподавателями других гуманитарных и общественных наук, всем, кто стремится глубже понять проблемы социального института религии, основные тенденции его эволюции.

Тема 1. Проблемы религии в социологии О. Конта

Источник: Проблемы религии в теории О. Конта. Яблоков И.Н., доктор философских наук. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://globuss24.ru/doc/problemny-religii-v-sociologii-o-konta-i-g-spensera>

О. Конт французский философ, социолог, методолог науки”, один из основателей позитивизма. В своих работах “Курс позитивной философии”, “Систему позитивной политики, или трактат о социологии, устанавливающей религию человечества” он рассматривал и ряд социологических проблем религиоведения. Конт ввел сам термин “социология”, осуществил “иерархизацию” научного знания. Система этого знания, по Конту, содержит переходы от наиболее абстрактных, “простых” наук к более конкретным, “сложным”: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология. При этом предполагалось, что каждая предыдущая дисциплина включается в последующую в преобразованном виде. По мнению Конта, социология основывается на биологии, но с добавлением принципа взаимодействия людей. Социология должна заниматься социальным, коллективным, общественным организмом. Конт задумал построить науку об обществе, которой была бы присуща “чистая”, “подлинная” научность, по аналогии с естественнонаучным знанием. Желая подчеркнуть, что социология точная наука, он назвал ее “социальной физикой” и разделил на “социальную статику” и “социальную динамику”. Социальная статика должна заниматься законами сосуществования общественных явлений, а социальная динамика законами их последовательности.

В статическом плане Конт искал элементы общества и принципы их связи. Общество представлялось ему социальным организмом, связанным принципами “консенсуса”, который истолковывался как общее взаимодействие, взаимозависимость людей, обеспечивающие их солидарность. Общество обладает целостностью неразрывностью своих

“элементов”, “частей”, “фрагментов”, связанных в общем состоянии цивилизации.

Первичным элементом, обеспечивающим “начало общества” Конт считал семью. Это модель, на основе которой можно построить главные социальные отношения. В семье биологическое и социальное едины, в ней получают выражение альтруистические социальные чувства, которые более всего способствуют утверждению консенсуса и солидарности в обществе. Главным чувством в семье является чувство симпатии. Из семьи оно распространяется на род, с рода на общество, с общества на все человечество. Наряду с альтруистическими чувствами социальное согласие обеспечивают идеи и институты. “Кооперацией” занимается “правительство” в виде светской и духовной властей.

Динамику общества Конт объяснял с помощью идеи прогресса восходящего закона развития человеческой культуры и цивилизации, совершенствования человечества в целом. Движение обеспечивают различные прежде всего духовные силы. Благодаря их действию реализуется телеологическая связь прошлого, настоящего и будущего. Динамика общества подчинена общеисторическому “закону трех стадий” или “состояний” “теоретическому закону двойной эволюции” социальной и интеллектуальной одновременно, “закону поступательного развития всего человечества”.

Переход от низшей к высшей стадии, полагал Конт, совершает как сознание всего человечества, так и индивидуальное человеческое сознание. Таких стадий три: теологическая, или фиктивная; метафизическая, или отвлеченная; научная, или позитивная. В теологическом состоянии человеческий ум, исследуя главным образом внутреннюю природу вещей, первые и конечные причины всех явлений, стремясь к абсолютному знанию, рассматривает их как продукты прямого и непрерывного воздействия многочисленных сверхъестественных факторов. Теологическая стадия включает три фазиса фетишизм, политеизм, монотеизм. На этой стадии господствуют духовенство и военные власти.

В метафизическое состояние, которое представляет собой видоизменение теологического, сверхъестественные факторы заменены отвлеченными силами, “сущностями” (олицетворенными абстракциями). Эти сущности (абстракции) нераздельно связаны с различными предметами, которым приписывается способность самостоятельно порождать все наблюдаемые явления. Абстракции, или сущности, оторваны от реальности и противопоставлены ей. Объяснение явлений сводится к определению соответствующей им сущности. На этой стадии, являющейся переходной к следующей, главенствуют философы и юристы.

В позитивном состоянии человеческий ум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения Вселенной, от познания внутренних причин явлений. Он сосредоточивается, используя и правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, на изучении действительных законов явлений, т. е. неизменных отношений последовательности и подобия. На этой стадии утверждается позитивно-научный взгляд на природу и общество, используются методы положительных наук; человек с помощью наблюдения и эксперимента изучает реальность, выделяет постоянные связи и формулирует законы, а на первый план выступают научно-эмпирически ориентированные ученые и мыслители.

Теологическая система достигла наивысшего совершенства, когда поставила провиденциальное действие единого существа на место разрозненных вмешательств многочисленных, независимых друг от друга божеств. Крайний предел метафизической системы состоит в замене частных сущностей одной общей великой сущностью природой, рассматриваемой как единственный источник всех явлений. Совершенство, к которому постоянно, хотя, весьма вероятно, безуспешно стремится позитивная система, заключается в возможности представить все наблюдаемые явления частными случаями одного общего факта, как, например, тяготения.

Теологическое состояние умов приводит к военно-авторитарному режиму, поскольку представление о богах ассоциируется с представлением о героях, от которых ведут родословную племенные вожди, а затем и аристократия возникающих государств. Своего завершения эта стадия достигает в “католическом и феодальном режиме”. Христианский монотеизм является последней исторической формой “теологического синтеза”, который выполнял функцию гармонизации “инстинктивных импульсов”, особенно военных. Но прогресс развития промышленности, интеллекта подрывает теологический порядок вещей, а падение веры приводит к распаду социальных связей. Это разложение достигает апогея в период революционных кризисов. Абстракции метафизического разума противостоят исторически сложившемуся социальному порядку и приводят к возмущению против него наступает метафизическая эпоха, переход к индустриальному существованию. Наследием революции является “анархия умов”, с которой должен покончить “позитивный синтез” научного знания; средоточием этого синтеза является социология.

Конт расширил рамки социологии до “практической науки” преобразования общества на основе “социолатрии” культа человечества как единого “Великого Существа”. Ведь сам по себе человек это “зоологический вид”, его истинная природа раскрывается только в человечестве как огромном организме, составленном из совокупности ушедших, живущих и будущих поколений.

Отвергая богооткровенные религии (иудаизм, христианство, ислам), Конт стремился создать “позитивную религию человечества”, деля ее на два вида: общественную и частную.

В общественной религии вместо Бога предметом почитания и преданности является человеческий род: Идеально-Реальное, коллективное “Великое Существо” (Grand Etre). Оно образует непрерывное целое, включающее в себя прошедшее, настоящее и будущее. Суть религиозного отношения в общественной религии служение благу человечества. Религия то,

посредством чего можно систематизировать человеческую жизнь, состояние полного единства в существовании социальном и личном, состояние альтруизма. Она сосредоточивает все стремления человеческой природы деятельность, любовь, мысль и руководит политикой, искусством, философией.

Культ общественной религии состоит из церемоний, торжеств, праздников, посвященных прославлению человечества различных политических союзов, воспоминанию о великих исторических событиях. Институт служителей общественной религии имеет всю полноту моральной власти.

В частной религии предметом является не человечество, а его достойные индивидуальные представительницы: женщины мать, жена, дочь. Культ составляют молитвы, являющиеся излияниями чувств. Каждому предоставляется право самому сочинять их текст. Конт устанавливал девять “таинств”, которые посвящены выдающимся событиям в жизни человека: представление новорожденного; посвящение (инициация) достигшего 14 лет; допущение к приготовлению на службу в 21 год; назначение на должность в 28 лет; брак; зрелость по достижению 42-летнего возраста; отставка по достижению 63 лет; “преобразование” перед смертью; освящение и включение достойного в “Великое Существо” через 7 лет после смерти.

Тема 2. Социология религии Г.Зиммеля

Источник: Касьянов, В. В. Социология религии : учебник для вузов / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко. - Москва : Издательство Юрайт, 2022. - 597 с. - (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-14958-6. - Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/485727>

Свой взгляд на проблему соотношения религии и общественной жизни предложил другой немецкий социолог, современник Вебера - Георг Зиммель (1858-1918) в своих трудах.

Немецкий философ и социолог Г. Зиммель, представитель “философии жизни”, основоположник формальной социологии, был в то же время одним из родоначальников социологии религии. В своих главных трудах - “О социальной дифференциации”, “Социология”, “Основные вопросы социологии: индивидуум и общество” - он анализировал и религию. Для социологии религии особенно важны такие его работы, как “Религия. Социально-психологический этюд”, “К вопросу о гносеологических истоках религии”, “Проблема религиозного положения”. «Религиозный элемент в отношениях между людьми», «Личность Бога», «Проблема религиозного положения».

Понятийный аппарат в социологии религии Г.Зиммеля. По мнению Зиммеля, религиозный мир и противоположный ему мир опыта и практики вырастают из одного и того же образного и понятийного материала, но в религии образы и понятия образуют новое содержание, которое заставляет рассматривать ее в совершенно ином, отличном от эмпирического или философского, ракурсе. Существует три сегмента жизненного круга, где религиозность проявляет себя наиболее ярко. Это отношения религиозного человека к природе, к судьбе и к окружающему миру людей. Именно последняя сфера и должна стать предметом исследования социолога.

Исследование религии Зиммель базировал на соответствующих философских предпосылках, при этом исходной являлась категория индивидуальной жизни. Ей внутренне присуща антиномия: жизнь Дается лишь однажды, неповторима, недолговечна, но протекает в контексте всеохватывающего процесса функционирования общества, в потоке непрерывной и универсальной истории человечества. Зиммель ставил вопрос: как личностная жизнь отдельного соединяется с движением общества и истории, с помощью каких механизмов осуществляется процесс социализации индивида. И отвечал с помощью разрабатываемых им понятий “взаимодействие”, “обобществление”, “форма”. Взаимодействие рассматривалось Зиммелем в качестве регулятивного мирового принципа: все находится со всем в каком-либо взаимодействии. С этой точки зрения, общество появляется там, где во взаимодействие вступает множество индивидов. В ходе взаимодействия происходит обобществление индивидов в “общество - бытие” человечества.

Ключевыми в социологии религии Зиммеля являются слова «отношение», «взаимоотношение», «связь» и «взаимосвязь». Жизнь общества состоит из взаимосвязей составляющих его элементов, объединившихся на основе общих интересов, целей, стремлений; часть этих взаимосвязей воплощается в виде устойчивых образований - учреждений и законов. Одной из наиболее ранних форм общественной жизни, посредством которых общество обеспечивало целесообразное с его точки зрения поведение своих членов, был обычай; позднее условия, необходимые для выживания общества, регламентируются в виде права. Обычай, право, нравственные убеждения - это различные способы связи социальных элементов, содержанием которых являются одни и те же заповеди, существующие у различных народов в различные времена. К этим формам, посредством которых людское общество создает для себя гармонию правильного поведения индивидуума, принадлежит, по Зиммелю, и религия. Религиозный характер отношений характеризует одну из стадий общественного развития: одно и то же

содержание общественных отношений в один из периодов может принять форму религиозной связи. Смена способов регулирования жизни людей от обычая к праву, от нравственных устоев к религиозной санкции есть не что иное, как формальное перемещение одинаковых практических жизненных содержаний, которые в религии обретают обоснованность. Религия как «чистая форма» Во всем многообразии социальных явлений Зиммель особо выделял “чистые формы” обобществления. Формы - это константы, правила, способы реализации содержаний, универсальные элементы, проявляющиеся в каждом единичном действии, остающиеся-тождественными в потоке многообразных, исторически изменчивых социальных явлений.

У человека имеется неупорядоченная масса душевных и материальных потребностей, образующая вещество жизни. Каждый род потребностей удовлетворяется в своих формах. Например, техника дает форму, в которой осуществляется господство над природой, рынок - форма приобретения и обмена благ, общество в качестве формы обеспечивает межчеловеческие связи. Жизнь насыщает формы веществом, а с помощью различных форм перерабатывается душевное и физическое вещество жизни.

Формы, развивал свою мысль Зиммель, репрезентируют индивидууму инварианты связей, повторяющиеся в движении общества и истории, они задают отдельному социальное игровое поле действия. Следовательно, индивидуальность человека формируется не вдали от социальных условий, но всегда в процессе воздействия на него исторических форм. Индивидуальность представляет собой не просто развертывание душевных и материальных потребностей, она возникает в процессе воздействия определенных форм, в ходе наполнения их соответствующим веществом жизни. Социальная идентичность достигается в результате структурирования душевной материи с помощью фиксированного общественного образца действия, т. е. является активным индивидуально-творческим смешением этой материи с формой.

Многообразные формы человеческого сообщества вбирают в себя жизненный материал, и наоборот, неизменная форма взаимовлияний может

наполняться самыми различными содержаниями. Формами являются семейная организация, обычай, нравственность, право, государственная власть и др. К формам, посредством которых людское сообщество создает для себя гарантию правильного поведения индивидуума, Зиммель относил религию. Он полагал, что необходимый порядок, существующий в обществе, является плодом некоей совершенно недифференцированной формы, в которой моральная, религиозная и юридическая санкции еще покоятся в нерасчлененном единстве, - таков дхарма у индусов, темис у Древних греков, фас у латинян. Рассматривая религию как область, отграниченную от других, Зиммель создал абстрактную модель религиозной формы, "чистый тип" религии, проанализировал формальные закономерности, по которым она конституируется, показал вклад религии в достижение индивидом идентичности в ходе социализации.

Религия как форма социальных связей. По мнению Зиммеля, религия становится формой социальных связей благодаря удивительному сходству, аналогии, существующей между отношением индивида к божеству и к социальной общности. Решающую роль здесь играет чувство зависимости: индивидуум чувствует себя привязанным к всеобщему, к высшему, к тому, из чего он возникает и куда уходит, с чем тождественен и от чего отличается. Изменчивые отношения между человеком и богом повторяют типы отношений, существующих между индивидуумом и общественной группой. В обществе также существует подчинение личности могущественной верховной власти, которая предоставляет ему определенную меру свободы; также может иметь место как притяжение человека общественной группой, так и его полное неприятие и т. п. Таким образом, Зиммель обнаруживает параллели в религиозной и общественной формах существования людей.

Какие социальные отношения обладают религиозной окраской? Отношения ребенка к родителям, патриота к Родине, космополита к человечеству, подданного к государю. У этих столь разных по содержанию отношений есть объединяющее начало - религиозный тон, выражающийся в

напряженности чувства, особой искренности, настроенности на категории высокого ранга. Чувства, возникающие на подобной почве, квалифицируются как религиозные, т. е. отличные от тех, которые основаны на человеческом эгоизме. Из религиозного чувства вырастают религиозные отношения, формирующиеся, однако, на эмпирическом, социальном материале. Религиозные отношения, по мнению Зиммеля, есть не что иное, как отражение в фантастических формах предшествующих им по времени возникновения социальных отношений. В отношениях людей друг к другу развиваются чувства, которые «психологически усиливаются до абсолюта и как бы гигантскими буквами рисуются на небе». В то же время присутствует и обратное воздействие. Представления о божествах могут влиять на структуру социальной группы.

Таким образом, для Зиммеля религия оказывается важнейшим фактором социального взаимодействия. С одной стороны, общественные формы являются источником жизни религиозной, с другой - развитые религиозные интересы облекаются в социологические формы.

Соотношение религиозности и религии. Зиммель различал религиозность и религию и подчеркивал, что не религия создает религиозность, а наоборот. Религиозность - это «целостная фундаментальная устроенность души», «фундаментальное бытие религиозной души». Она обнаруживается в религиозной вере, а сам этот душевный факт есть нечто метафизическое. В вере живет и выражает себя религиозное бытие, смысл и значимость которого совершенно независимы от содержания, вкладываемого в него верой. Когда человек противопоставляет себе метафизически-божественный образ, превосходящий все эмпирические частности, он проецирует на него то, что в нем самом является метафизическим, то, что в нем самом лежит по ту сторону всего эмпирического. Метафизическая ценность, сверх-единичное пребывает в самом религиозном бытии человека. Вера, которая возникает в отношениях человека к человеку, является религиозной верой. Вера в Бога представляется такой же устремленной вовне

настроенностью субъекта, лишенной связи со своим эмпирическим предметом, утратившей свой относительный характер. Создавая свой объект из себя самой, возвышая его до степени абсолютного, вера принимает социологическую форму. И хотя душа черпает силы для таких взлетов из собственных недр, она - проходя стадию веры в Бога - обретает более концентрированную и продуктивную форму. Душа противопоставляет свои силы себе самой, получая в результате возможность расти и добиваться недостижимых в обычных условиях успехов в овладении духовными ценностями, а также вновь вбирать их в себя после того, как они обретут эту форму. Благодаря подъему религиозного настроения на трансцендентный уровень, в силу его объективации, опредмечивания, происходит и развитие предметов религии. Специфическое содержание чувства, возникнув в форме межиндивидуального взаимодействия, переносится на отношение к трансцендентной идее. Она образует новую категорию, в которой находят совершенное воплощение те формы или содержания, истоки которых лежат в отношениях между людьми. Предметы религии в свою очередь могут давать различным ситуациям, обстоятельствам, отношениям новые импульсы религиозной святости и силы. Религия “представляет в субстанции то, что регулирует групповую жизнь как форма и функция”, она “некоторым образом как раз в том и состоит, чтобы это субстанциализировать”. Религия есть чистейшая, возвышенная над всеми конкретными частностями форма единства общества.

Причины и сущность религии. Рассматривая причины возникновения и сущность религии, Зиммель выделял связи и интересы, находящиеся “по ту” и, большей частью, “по эту сторону религии”. И “по ту”, и “по эту” сторону религии он обнаруживал “религиозные моменты”, исходные пункты на пути возникновения того, что в качестве религии обрело самостоятельность и целостность. Религиозные чувства импульсы проявляются не только в сфере религии; они присутствуют в многочисленных и разнообразных связях как элемент, участвующий во многих ситуациях и оказывающий свое влияние на

развитие событий. По мере достижения характерными чертами этого элемента высшей точки развития и обретения законченного и яркого выражения и сам он отъединяется от всех прочих элементов - возникает религия как абсолютно обособившаяся всего остального мира область. Религия в качестве самостоятельного жизненного содержания, вполне самозамкнутой сферы состоит в изоляции этого элемента. С другой стороны, сформировавшиеся религиозные интересы проявляются в социологических религиозных формах, которые становятсяместищем чувств, связанных с отправлением религиозного культа. Социологическим формам достаточно лишь соприкоснуться с религиозным настроением или проникнуться им, чтобы возникла форма религии как самостоятельный образ мыслей и действий.

Тема 3. Э. Дюркгейм о религии

Источник. Э. Дюркгейм о религии и ритуалах. Электронный ресурс.
Режим доступа: <https://infopedia.su/4x12d.html>

Дюркгейм Эмиль (1858 – 1917) - французский философ, педагог и социолог, основатель французской социологической школы. Оказал значительное влияние на всю последующую культурологию прежде всего через установление тесной связи между социальными связями, имеющими «материальный субстрат» (плотность населения, интенсивность общения, дифференциация труда и т.д.), и собственно духовными факторами, т.е. коллективными представлениями, зафиксированными в таких формах общественного сознания, как религия, мораль, право. Книга Дюркгейма “Элементарные формы религиозной жизни”, впервые опубликованная в 1912 г., оказала серьезное влияние на социологию религии. Дюркгейм усматривает связь религии с природой общественных институтов в целом.

В основу своей работы он положил анализ тотемистических верований австралийских аборигенов и утверждал, что тотемизм представляет собой религию в наиболее “элементарной”, простой форме. Тотем выступает в роли сакрального объекта, возбуждающего чувство благоговения и окружаемого различными ритуалами. Дюркгейм дает определение религии, противопоставляя сакральное и мирское. Сакральные объекты и символы, утверждает он, рассматриваются вне обыденных аспектов существования, образующих область мирского. Тотем служит символом самой группы, выступая в качестве важнейшей ценности группы или общины. Благоговение, которое люди испытывают к тотемам, обусловлено на самом деле уважением, которое они питают к основным социальным ценностям. В религии объектом поклонения является в действительности само общество.

Для любой религии характерны постоянно повторяющиеся ритуалы и обряды, в которых принимают участие группы верующих. Благодаря

коллективным обрядам чувство групповой солидарности получает подтверждение и крепнет. Обряды отвлекают людей от забот мирской жизни и переносят их в сферу, где царят возвышенные чувства и где они могут ощутить слияние с высшими силами. Эти высшие силы, которыми якобы являются тотемы, божественные существа или боги, являются в действительности отражением влияния коллектива на личность. Обряды и ритуалы, с точки зрения Дюркгейма, имеют существенное значение для укрепления солидарности членов социальных групп. Коллективные обряды, совершаемые в те моменты, когда люди оказываются перед необходимостью приспособиться к значительным изменениям в их жизни, укрепляют групповую солидарность. Ритуал похорон наглядно показывает, что жизнь отдельного человека по сравнению с групповыми ценностями имеет преходящее значение и, таким образом, помогает людям примириться с потерей близких. Религиозные обряды, с одной стороны, порождают новые идеи и категории мышления, а с другой - укрепляют уже сложившиеся ценности. Религия является не только последовательностью чувств и поступков, она фактически определяет способ мышления людей в культурах традиционного типа. Даже наиболее общие философские категории, в том числе появившиеся в результате осмысления времени и пространства, первоначально были выражены в религиозных терминах. Понятие времени, например, возникло вследствие необходимости исчисления длительности религиозных обрядов.

Но по мере развития общественного прогресса, считает Дюркгейм, влияние религии ослабевает. Научное мышление все в большей степени замещает религиозные толкования. Традиционная религия (т. е. религия, в которой фигурируют божественные силы или боги) находится на грани исчезновения. Но вместе с тем он заявляет, что в определенном смысле можно говорить о том, что в измененной форме религия, вероятно, сохранится. Даже общества современного типа испытывают необходимость в ритуалах, которые подтверждали бы их ценности и обеспечивали бы прочность их положения.

Следовательно, возможно появление новых обрядов, которые, как следует ожидать, заменят устаревшие и отжившие. Может быть выдвинут тезис, что большинство развитых промышленных государств поощряет развитие так называемых гражданских религий. В Великобритании символы, такие как государственный флаг, как коронация, используются для того, чтобы укрепить веру в превосходство “британского образа жизни”. Эти символы связаны с традиционными религиозными институтами, такими как англиканская церковь. Сейчас трудно говорить о возникновении новой религии в это контексте, но, можно сказать, что гражданские символы и ритуалы сегодня мирно уживаются с традиционными религиями.

Классификация ритуалов. По функциям: религиозные (связанные с обществен. взаимодействием) и магические (индивидуальный характер).

Кризисные: совершаемые группой или отдельными людьми в критический период жизни – танец дождя, обращение главы государства к народу.

Типы и функции ритуалов. Дюркгеймовская классификация ритуалов - пожалуй, самая систематическая и обоснованная. Но и она не включает в себя все многообразие типов ритуалов. Ритуалы классифицируются по разным основаниям-критериям.

1. Магические (носят индивидуальный характер) и религиозные(общественный. характер).

2. По функциям:

- кризисные ритуалы - совершаемые в критические периоды жизни, либо как ответ на неотложную проблему (“танец дождя” при засухе в некоторых племенах/ обращение главы государства к народу в случае бедствия)

- Календарные ритуалы совершаются регулярно по мере наступления предсказуемых, повторяющихся природных явлений, таких, как смена времен года, смена фаз луны, созревание урожая и т.п. Во всех сельских культурах имеется огромное количество таких ритуалов, крайне сложных, насыщенных

элементами эротики, со своими особенными богами, героями, мифическими персонажами.

- Ритуалы интенсификации. Этот термин введен американскими антропологами Чеплом и Куном для обозначения совокупности ритуалов различных типов: кризисных, календарных и других, осуществляемых для того, чтобы противостоять нарушению равновесия групповой жизни, вызванной либо внутренними, либо внешними причинами, интенсифицировать взаимодействие между членами группы и вообще повысить степень групповой сплоченности. (напр., когда на свадьбу или иное семейное торжество съезжаются члены семьи, разбросанные по всей стране и до этого случая не видевшие друг друга годами)

- По своему содержанию и социальным функциям. выделяются ритуалы родства, причем они касаются не родства по крови или по браку, а родственных отношений, сформировавшихся на основе функциональных взаимосвязей. (с крестными)

- Ритуалы перехода - это особый класс ритуалов, существующих в каждой культуре и выполняющих особые функции, связанные в первую очередь с последовательным прохождением индивидом стадий своего жизненного пути - от рождения до смерти. (процессы инициации) Мужские инициации - не единственные, хотя, пожалуй, самые важные и самые сложные из ритуалов перехода. Существуют инициации девушек, ритуалы вступления в брак, наступления старости, наконец, ритуалы рождения и смерти.

В современных обществах роль ритуалов перехода сильно уменьшилась, хотя продолжает существовать огромное количество ритуалов этого типа: церковное причастие, получение паспорта, допуск к выборам, заключение и расторжение брака, переход на пенсию и, конечно, как всегда и повсюду с самых надревнейших времен культуры, - рождение и смерть.

Это были самые распространенные типы ритуалов. Вообще же в зависимости от применяемых критериев и уровня анализа можно выделить буквально бесконечное количество типов ритуалов. Например, ритуалы могут

классифицироваться по участию в них мужчин или женщин на чисто мужские, чисто женские и смешанные ритуалы. Кроме того, ритуалы могут быть классифицированы по массовости, по степени структурированности, по характеристикам группы, внутри которой и во имя которой они исполняются.

Некоторые ритуалы могут исполняться только вождями, или только старейшинами, или только охотниками, причем исполнение соответствующих ритуалов представителями других групп влечет неисчислимы тяжелые последствия.

В любой культуре присутствует также множество ритуалов нерелигиозного или не прямо религиозного характера. Здесь имеется в виду ритуализованный характер любых типов действий и форм деятельности, вплоть до встречающихся наиболее часто. (по Гофману ритуал уважительного поведения в обществе)

Тема 4. Сакральное мышление

Источник: Дугин А.Г. В поисках темного Логоса (философско – богословские очерки). – 2 изд. – М.: Академический проект, 2014. - С.124 – 127.

Сакральное мышление есть мышление, структурированное интеллектуальной интуицией. Интеллектуальная интуиция, по определению, сверхрассудочна: она схватывает явление в целом и мгновенно и лишь затем транслирует результат такого познания аналитическому аппарату рассудка. Это прямое знание, которое достигается через специфическую операцию – радикальную интериоризацию бытия и бытийного внимания. Этот опыт можно уподобить «озарению», «созерцанию», «просвещению».

Результат мгновенного опыта деятельности интеллектуальной интуиции дешифруется затем различными органами – рассудочными и чувственными. Причем один и тот же опыт может интерпретироваться с существенным различием в зависимости от персональной организации человека – один расшифрует «озарение» как поток мыслей, другой – как видение, третий – как резкую эмоцию и т. д. Интеллектуальная интуиция не зависит от ее интерпретации органами мысли и чувств. Это обнаружение некоей объективной инстанции в бытии – «света природы» (Б. Спиноза).

«Сакральным мышлением» следует называть процесс рассудочной интерпретации опыта «озарения».

«Озарение» составляет ядро, источник и ось мышления. Рассудок отталкивается от этого импульса, черпает в нем энергию и маршруты движения, но не способен приблизиться к самой этой инстанции ближе определенного расстояния. Это как взгляд на солнце: длительная фиксация на ярком источнике света ведет к слепоте. Если упорствовать в этом, то можно либо разрушить личность, либо впасть в «священное безумие». Но понять это невозможно. Рассудок стоит к интеллектуальной интуиции спиной.

Обрядовые жесты, связанные с прикрытием глаз от яркого света (в исламе, например) и соответствующие религиозные сюжеты (неопалимая купина и Преображение Господне на горе Фавор) ритуализируют это соотношение.

Сакральное мышление отличается от несакрального тем, что в своем процессе так или иначе учитывает инстанцию «озарения». Даже предельно удаляясь от «топоса» интеллектуальной интуиции (полагаемой, как правило, в сердце), рассудок стремится уловить начальные модуляции или, по меньшей мере, предугадать их.

В сакральном мышлении нет ничего специфически «религиозного» и «мифологического». Представление о «религиозном» и «мифологическом» как о самостоятельных инстанциях - тоже абстракция Просвещения. Человек Традиции не выделяет «религиозное» и «мифологическое» как нечто самостоятельное. Сакральное мышление совсем не обязательно центрировано на фигурах «трансцендентных субъектов». Сакральное мышление может быть обращено к любым реальностям - как видимым телесно, так и умозрительным, но в моменте «озарения» в любом случае (даже если речь идет о самых простых и земных вещах) происходит определенная трансфигурация субъекта познания, его молниеносный контакт со световым измерением бытия, где, в сущности, испаряется дуализм познающего и познаваемого. С большой натяжкой это можно интерпретировать как «религиозный» опыт или «одержимость» каким-то мифологическим существом (например, «музами» или «Аполлоном»), но сам по себе этот опыт не зависит ни от каких догматических или мифологических конструкций, все они служат лишь его апостериорной интерпретации.

Если даже сам человек традиционного общества подчас довольно приблизительно описывает это состояние, то философы Нового времени тем более склонны нагружать этот процесс абстрактными и неверными структурами, отражающими гносеологические практики совершенно иного парадигмального контекста.

Когда человек традиционного общества думает (и говорит) об Аполлоне, мировом огне, политике, числах, музыкальных инструментах, растениях, олимпийских играх, войне, титанах, мертвых, детях или ремесленных инструментах, он всегда отталкивается от этого стержня интеллектуальной интуиции, от глубинного «озарения», которое и составляет основу парадигмы Традиции, транслируемую в рамках традиционного общества через весь его строй, уклад, всю его культуру, язык, образование, быт и т. д.

Философы-досократики были органичными членами традиционного общества. Следовательно, их произведения, системы, утверждения должны быть корректно помещены в соответствующий парадигмальный контекст, где интеллектуальная интуиция играет главенствующую роль.

Без этого чрезвычайно трудного для современного философа действия мы будем не изучать дух Античности, но оперировать с искусственными прагматическими (в чем-то пропагандистскими и как минимум полемическими) концептами, составленными в Новое время.

Тема 5. Религия, религиозность, тотальность

Источник: Дугин А.Г. В поисках темного Логоса (философско – богословские очерки). – 2 изд. – М.: Академический проект, 2014. - С.154 – 156.

Структуры любой религии представляют собой сложные комплексы, состоящие из многих уровней - символического, мифологического, философского, культового, обрядового, морального и т. д. Изучение этих комплексов осложнено тем, что они очень редко выступают строго маркированными пластами, расположенными точно на одном уровне или в одном секторе, а чаще всего причудливо пронизывают все структуры, подчас заходя на соседние сегменты, углубляясь в область подразумевания или, напротив, пробиваясь на поверхность, в зону рационального (официального) дискурса. Кроме того, внутри этих пластов разворачивается сложная динамика, которая, хотя и не является стремительной и длится, как правило, веками и даже тысячелетиями, все же аффицирует религию в целом и ее строй. И наконец, меняются пропорции и соотношения между этими пластами в рамках одной и той же религии, что может происходить также довольно незаметно и давать о себе знать только в периоды радикальных религиозных реформ или иных трансформаций, подготавливаемых, впрочем, заранее без того, чтобы эту внутреннюю работу можно было бы заметить. Здесь вполне применимы те рассуждения о «циклах большой длительности» (*la longue duree*), на которых построены исторические концепции Ф. Броделя и в целом школы анналов.

Но при этом религиозный комплекс чрезвычайно сложен, и по определению включает в себя фундаментальные метафизические, философские, мифологические и психологические составляющие, без тщательного изучения которых одни только социокультурные и историко-социологические реконструкции будут неполными и редуционистскими. Религии являются «тотальными явлениями» и их вполне можно рассмотреть

как имплицитные матрицы социальности. Это предполагает, что нам следует при их изучении перевернуть пропорции социологии Дюркгейма и его школы, истолковывающие религии через общества и признающие «тотальными» социальные факты (М. Мосс). В каком-то смысле социология, начиная с О. Конта, сама претендовала на роль «секулярной религии», а, следовательно, стремилась свести к своему методу и к себе самой множество изучаемых ею феноменов, в том числе и религии. Это было весьма в духе времени (конец XIX - начало XX века) и, соответственно, вполне оправдано структурой исторического состояния научных знаний. Релятивизация Модерна и его парадигм в последние десятилетия XX века и в наше время позволяет нам обращаться с социологией более свободно, и, заимствуя ее колоссальный интерпретационный и герменевтический потенциал, использовать его в новых комплексных контекстах. В некотором смысле это будет развитием любезного приглашения Эдгара Морена к изучению комплексных явлений комплексными методами.

Иными словами, при изучении религии мы можем рассмотреть ее как базовую структуру, порождающую многообразные формы, т. е. как фундаментальный язык, предшествующий любому дискурсу. В таком случае само общество откроется нам как явление религиозное, что является эксплицитным в случаях общества традиционного, но имплицитным в случаях общества современного и постсовременного. Религия как форма безусловно отрицается в качестве матрицы социальных нормативов в Модерне. Но это порождает, в свою очередь, контррелигию, выражающуюся в нормативизме секулярности, атеизма и идеологии «прав человека», обретающих статус принудительного императива, воплощенного в юридические корпуса, педагогику и информационный ценз почти с такой же строгостью, как религиозные догматы в традиционном обществе. Контррелигия секулярности и религия в обычном смысле этого слова проистекают из более глубоких структур, слабо поддающихся рефлексии и ускользающих от прямолинейного

внимания, которые допустимо назвать «религиозностью». Это можно представить следующей схемой:

Под «сакральным» мы понимаем, вслед за Р. Отто и М. Элиаде, базовый опыт ужаса/восхищения, возникающий на глубинных этажах человеческой психики и еще нерасчленимый на конкретные фигуры, чувства, ощущения, образы и символы. К.Г. Юнг называет это «нуминозностью» как ядром «коллективного бессознательного». В социологическом ключе мы в другой работе («Этносоциология») идентифицируем это с наиболее архаическими типами общества и с уровнем этнической идентичности. Более подробно мы рассматриваем это с точки зрения социологии воображения и режимов бессознательного в отдельной книге, построенной на развитии концепций и подходов Ж. Дюрана.

Под «теологией», в свою очередь, мы понимаем рациональное (философское) оформление базового импульса сакрального, поднимающегося из бессознательных глубин к зоне интеллекта. Теология предполагает наличие Логоса, упорядочивающего структуры сакрального в систему - символическую, мифологическую, обрядовую, юридическую, социальную и т. д. В отличие от других форм развития рационального мышления теология (в нашем понимании) сосредоточена на том, чтобы приоритетно упорядочивать

именно сферу сакрального, оперировать с продуктами сакрального, а не чего-то еще. Теология связана именно с сакральным и взаимодействует с его содержанием и его эмпирической базой, черпая отсюда достоверность, наглядность и свой основной предмет.

Сакральное может существовать в некоторых обществах и без теологии, представляя собой автономное явление, не восходящее к уровням теологических конструкций. Таковы некоторые архаические племена, у которых наличествуют сакральные структуры, но отсутствуют какие бы то ни было их систематизации и рефлексии. Такие общества чрезвычайно редки. Показательно, что классик современного религиоведения Мирча Элиаде на протяжении своей научной деятельности постоянно тяготел к исследованию именно таких обществ: начав с исследований духовных традиций с развитыми теологическими системами (индуизм, буддизм), он закончил австралийскими аборигенами, культурам которых посвящена его последняя книга. Кстати, тем же австралийским аборигенам посвящена и последняя работа Э. Дюркгейма. Однако сегодня антропологи доказали, что существуют и еще более архаические комплексы, где сакральное не оформлено даже в рудиментарных мифологиях и примитивных культурах: например, южно-американское индейское племя «пирахан», изучавшееся Д. Эверестом.

Структуры сакрального и культуры Великой Матери. Поэтому одной из самых сложных задач при исследовании структур сакрального является их отделение от зачаточных рационализаций, присущих даже вполне архаическим культурам.

Ближе всего к этим структурам стоят не столько мифы, сколько мифемы - отдельные элементы, наделенные в архаических обществах свойством выделенности, обособленности. Чем более разрозненными и бессвязными являются группы таких мифем, чем меньше они сопряжены в рациональные системы или таксономии, тем прозрачнее они выражают структуру сакрального.

Тем не менее даже у самых архаических обществ спонтанные проявления сакрального все же группируются между собой в определенные серии. И анализ этих серий позволяет прояснить сакральные структуры.

Наиболее частым случаем первичного оформления сакрального являются культы Великой Матери или религиозность Земли. Психоаналитики легко нашли бы прямые соответствия с перинатальной стадией созревания плода, испытывающего в материнской утробе такую степень комфорта, которая недостижима после появления младенца на свет и остается устойчивой ностальгией на всех последующих этапах. Отсюда валоризация *regressum ad uterus*, свойственная многим матриархальным культам и в целом преобладающему сценарию инициации в самых разных религиях (в том числе и вполне развитых). Ж. Дюран называет это режимом «мистического ноктюрна», когда работа бессознательного организована по принципу антифразы, полного примирения противоположностей, снятия всех оппозиций, растворения вещей и предметов, выделенных при свете дня (и только поэтому опасных, тревожных и несущих угрозу разрыва), в стихии убаюкивающей и сытой материнской ночи.

Великая Мать представляет собой тело сакрального, его субстанциальное выражение, где психика касается своего глубинного дна, мягко погружаясь в едва шевелящийся ил души.

Великая Мать нуминозна в тот момент, когда она снимает напряжение жизни, и тем самым ноктюрническая сакральность разливается свободно и беспрепятственно. Здесь сакральное представляет собой максимум релаксации, вбирающий в себя экстатическую агонию смерти. Это растворение в протожизни, в ее дооформленной стихии, строго совпадающей со стихией смерти. Архаическая сакральность не знает дуализма жизнь/смерть, который заведомо снимается нуминозностью Великой Матери, культ которой отмечает саму предпосылку развития дуалистических пар и основанных на ней таксономии. Любая назревающая оппозиция немедленно и

часто превентивно (то есть еще до ее появления) снимается умиротворяющим блаженным парадоксом антифразы.

Самое важное здесь - это отсутствие фигуры Другого, мгновенное снятие малейшего поползновения ее оформления. Сакральность Великой Матери проявляет себя через снятие Другого, через недопущение Другого в самом дальнем приближении. Но поскольку способность к различению характерна не только для людей, даже самых примитивных, но и для животных и, кроме того, для растений и минералов, то вся ткань жизни наполнена угрожающими процессами, способными обострить отношения между различаемыми парами и, соответственно, конституировать Другого. Против этой дифференциации и направлена интегрирующая работа всематеринской земной сакральности, распыляющей противоположности сразу после того, как они только намечаются, или даже до этого.

Дюран объясняет эту операцию работы мистического ноктюрна как постоянный выбор намечающегося субъекта (протосубъекта, начально различающей человеческой единицы) в пользу гомогенизации объекта, его «склеивания» в резком антифразийном усилии, состоящем в стремлении отказаться от различения в пользу неразличимости и в становлении на сторону Другого, чтобы препятствовать его фиксации в качестве Другого. Если это становится Другим, то Другое перестает быть Другим. Так материнская сакральность постоянно трудится над восстановлением парадизиакального бытия фетуса, укачиваемого питательными утробными водами.

Такая сакральность концентрируется:

- в еде и сытости;
- в жилище/убежище (синоним утробы);
- во сне (синоним созревания плода);
- в вещественности мира, интуируемой как облегчение под угрожающим многообразием сингулярных предметов;
- в ласке и в сладости, в неконфликтном и не требующем усилий наслаждении;

- в радостном и доверительном придании себя внешнему полюсу притяжения (девоция);
- в ощущении безопасности и комфорта;
- в опьянении, снимающем гнет отдельности и т. д.

Все эти моменты составляют общую ткань сакральной структуры Великой Матери и пронизаны специфической нуминозностью Ночи. Эта структура является не просто дологической, но и контрлогической, поскольку она основана не на простом незнании Логоса, а на устойчивом стремлении не допустить его как угрожающего опыта; Логос здесь предчувствуется и превентивно отвергается через его заведомое растворение в иррациональном. Великая Мать знает о Логосе, но делает все от нее зависящее, чтобы не допустить его Рождения. И в этом как раз и состоит сущность сакрального - в снятии даже отдаленных предпосылок для ригидной фиксации различения в антагонистических парах, в заведомой ликвидации самой возможности проявления Другого. Бесконечность Матери бдительно охраняет ее перинатальный домен до угрозы появления Предела.

Общества, построенные на сериях мистического ноктюрна, в чистом виде чрезвычайно редки. Поэтому в большинстве случаев такая сакральность представлена в более смешанных комплексах, вплетенная в усложненные модели мифов и символов. И тем не менее для исследования топики религии и религиозности выявление сакральности в ее чистоте чрезвычайно важно как стартовый *Idealtypus* (М. Вебер), позволяющий наметить полюс и границу, общие для всех религиозных систем. Антифраза Великой Матери, нуминозная работа растворяющих чар Земли и Ночи лежит в основе всей религиозной картины, служит ей субстанциальным основанием, базисом. В полноценном структурном религиоведении этот уровень выполняет функцию, сходную с функцией «базиса», «инфраструктуры» в марксизме.

Тема 6. История русского раскола

Источник: Иванов А.В. Псоглавцы. Жанровый роман. – М.; АСТ, 2016, - С 49-51.

...Говорят, раскольники были упертыми ретроgrадами, против всего нового и современного... Но в их сопротивлении была огромная человеческая правота. Да и чему они сопротивлялись?

Патриарх Никон начинал карьеру попиком среди глухой мордвы. Дети его умерли. Замордованный, он сдал жену в монастырь, ушел на Соловецкие острова и стал монахом. Больше всего мечтал о власти. Рассорившись с владыками Соловков, он бежал в другой монастырь Поморья, где был произведен в игумены. Как игумен, он познакомился с молодым Алексеем Михайловичем. Царь перевел Никона в Москву, где мордовского попа сначала утвердили новгородским митрополитом, а через три года - патриархом всея Руси. Путь от мордвы до Кремля занял у Никона семнадцать лет. Никон взлетел до неба - и свалился в штопор.

Он попросту подмял молодого царя под себя. ЗомбироваЛ. Еще та, видать, харизма, была у священника. Даже в титуле Никон именовал себя «господин и государь». Царь Алексей Михайлович, если отлучался, оставлял патриарха главой государства, однако Никону и этого было мало, он желал подчинить царя и по закону, а для этого задумал стать Вселенским патриархом; управлять всеми православными церквями.

Ключевой в этом вопросе была греческая церковь, потому что русские получили православие от греков. Но Греческая церковь уже сильно отличалась от русской. Покоренная Греция жила под Турцией. Чтобы Греция сдерживала Турцию, Европа помогала грекам в их борьбе с оккупантами. Но за это греки заплатили сближением своих православных обрядов с католическими. А русская православная церковь не сильно отличалась со времен крещения Руси.

Чтобы стать вселенским патриархом, общим для русских и греков, Никон должен был либо греков переделать на русский образец, либо русских - на греческий. Греков контролировали и Турция, и Европа. Так что принуждать своих к изменению обрядов было куда проще, чем греков. В этом и состояла суть реформы Никона. В 1654 году Никон постановил перелицевать русские религиозные обряды на греческий лад.

Отступничество греков не было тайной. Мотивы Никона тоже были понятны. Только вот Алексей Михайлович верил, что если Никон станет Вселенским патриархом, то он станет царем Константинополя, а Москва - третьим Римом. Реформа Никона пошла с подачи государя.

Теория «Москва - третий Рим». Это теория, которую придумал псковский старец Филофей за 130 лет до деятельности Никона. Филофей изложил свою теорию в письме к великому князю Ивану III, когда объяснял правильное исполнение крестного знамения и грех мужеложства. Выходит, реформа Никона с точки зрения нации не имела оправдания. Сопrotивление староверов было вполне разумно, потому что они протестовали против дела, нужного только Никону.

...Удача сопутствовала Никону всего четыре года. Никон попросту распоясался, охамел. Какого-то епископа он избил прямо в храме при всем народе. Любовь царя начала остывать. Свирепый и грубый Никон всех достал. Почуввав охлаждение государя, Никон раскапризничался и удалился в монастырь Новый Иерусалим, который сам же и основал. Никон думал, что Алексей Михайлович раскается и позовет его назад. Но враги не спали, и без Никона вправили царю мозги на место. Царь осерчал на патриарха. Пока Никон обижался, его лишили должности, а через шесть лет вообще осудили и сослали в Ферапонтов монастырь. Пятнадцать лет он провел в опале Ферапонтовой, а потом в Кирилло-Белозерской обители. Жил, в общем, неплохо, доносили, что даже с девками грешил. Его помиловал царь Федор Алексеевич, дозволил вернуться в Новый Иерусалим, но по дороге туда больной Никон умер под Ярославцем.

А Никонова реформа шла своим ходом и без Никона. Священники переписывали книги, внедряли новые обряды. Двуперстие заменили троеперстием, восьмиконечный крест - четырехконечным, и т.д.

Реформа расколола нацию надвое: «никониане» и староверы. У никониан, вроде как модернистов, аргументы были самые тупые: «так начальство велело». А кондовые, замшелые раскольники зывали к здравому смыслу. Каноны на то и нужны, чтобы быть неизменными. Нельзя в угоду властолюбию царя или патриарха подгибать веру под сиюминутные расклады политических сил.

Но более того. Битва никониан и староверов вовлекла в себя тех, кому не было никакого дела до Никона или обрядов. Тех, кто был в целом недоволен порядками русского государства. Эти недовольные присоединились, естественно, к раскольникам, и осуждение реформы морально оправдывало их личный бунт. Реформа Никона не сблизила с греками, а разъединила русских. Вот и модернизация.

...Главой раскола считали священника Иоанна Неронова. Кирилл почитал про него и решил, что Неронов, скорее, был просто склочным, вечно недовольным старикашкой. Его сослали на север, в Кандалакшу, он бежал на Соловки, оттуда - обратно в Москву. По дороге принял монашество, чтобы, в случае чего, его судили бы церковным судом, а не как государственного изменника. Но в Москве он сдался Никону и покорился. А когда Никона низвергли, он опять восстал - и опять был отправлен в ссылку. Едва запахло отлучением от церкви, Неронов снова покаялся в расколе. В конце концов, его сделали настоятелем московского Данилова монастыря, он успокоился, хотя изредка и брюзжал.

Настоящим духовным лидером раскольников был неукротимый протопоп Аввакум. Уж он-то и мог называться фанатиком, хотя в его фанатизме было что-то бесконечно человеческое. Он был фанатиком не идеи, а самого бога, который всегда висел в небе над Аввакумом и встречал во все передряги протопопа. Тут же вертелась и свора бесов, всюду пакостивших

Аввакуму. Из-за этой суматохи ангелов и демонов мятежный протопоп напомнил Кириллу странствующего укротителя.

Протопоп по-девичьи ревновал к чистоте обрядов, и за это его постоянно били. Изгнанный паствой из своего Юрьевца-Повольского, он явился в Москву. Сначала переписывал церковные книги, но потом Никон перепоручил эту работу грекам. Аввакум тотчас накатав царю жалобу с обличениями. Никон упёк жалобщика в тюрьму, затем сослал в Тобольск. Шесть лет Аввакум пропадал в дикой Сибири с одичавшими стрельцами, ходил в походы от Байкала до Амура. Попутно в своих сочинениях он клял всех - и греков, и царя, и Никона, и стрельцов.

Когда Никон рухнул, Аввакума вернули в Москву, но попросили не бушевать. Куда там: Аввакум всех разнёс в пух и прах. Его сослали в Мезень. Он не унялся. Его вернули в Москву и прокляли в Успенском соборе, а он ответил анафемой на тех, кто его проклинал. Потом в Чудовом монастыре в Кремле иноземные патриархи умоляли Аввакума смириться, а рядом в это время рубили головы его сподвижникам. Протопоп и тут не сдался. Его высекли кнутом и сослали в город Пустозерск почти на Ледовитом океане, посадили в земляную тюрьму на хлеб и воду. Аввакум просидел там четырнадцать лет, писал разгромные письма и благословлял приходивших к нему раскольников. И тогда непокорного протопопа сожгли заживо в срубе. А раскольники восславили Аввакума как священномученика и исповедника.

Да... На такое не пойдёшь ради лишнего пальца при крещении. За раскольниками стояло поцарённое и церковью право жить так, как они считали нужным. Этим образом жизни они никому не мешали, а их травили, как зверей. От попов и бояр из своего дома сбежал каждый десятый русский. Это масштаб гражданской войны.

И что беглые раскольники, плача, сидели в чащах по землянкам и молились на унесённые иконы. На самом деле всё было не так. В глухих и далёких лесах раскольники строили церкви, могучие многолюдные деревни и монастыри-крепости, распахивали поля, учили детей, писали книги.

Сложились мощные центры раскола: в Карелии вокруг городка Повенец, на волжских притоках Иргиз и Керженец, на реке Яик, на Среднем Урале, в Сибири на Тоболе, под Черниговом и в Польше. Это была другая Россия, параллельная.

Ещё и альтернативная. Даже в каком-то смысле демократическая. Ведь здесь не имело значения ни боярство, ни дворянство. Власть принадлежала расколоучителям - политикам, и богатым старшинам - бизнесменам. А старая вера была чем-то вроде гражданства. И разные раскольничьи святые и мученики утверждали не истинность веры, а приверженность к своему сообществу.

Государство искало и карало беглецов. До Петра I раскольникам полагались кнут, острог и каторга, и в ответ раскольники устраивали чудовищные массовые самосожжения. Пётр перевёл наказание на деньги, хотя тюрьмы не опустели, а самосожжения не прекратились, и после Петра староверы научились зарабатывать бабки и платить за свою свободу. Стойкость их не поколебали ни пытки, ни рэкет.

В истории раскола интересно, чем дело закончилось. В 1800 году Александр I учредил Единоверческую церковь - такую, где обряды старого образца, а священники - официальные. Единоверие было эдаким насосом, чтобы откачивать народ из раскола. Но и это не помогло. В 1905 году царь Николай II признал все права старообрядческой церкви. В 1929 году и официальная Церковь признала старообрядческую церковь равной себе, а все бывшие проклятия - «яко не бывшие». В 1974 году она подтвердила это решение. Но поезд уже уехал. Общение двух православных церквей так доньше и не началось.

...Да, раскольники устояли в конкурентной борьбе, хотя их победу никто не признал, а сами они к славе не стремились. Их мир обрушила революция, которая в России обрушила все миры. Но если до сих пор даже в новостях Mail.ru изредка появляются известия о чудесах РПЦ - то икона заплакала, то молитва исцелила от рака, - почему бы не случаться и раскольничьим чудесам?

Например, явлениям псоглавцев?.. Раскольники, раскольники... Всё не так просто с их Псоглавцем. Псоглавец - не тотем, не наследие тёмных языческих сил, что прокралось в христианство и зацепилось за староверов как за самых дремучих людишек. Псоглавец был осознанно узаконен решительным и сильным сообществом. Которое закалилось в жестокой борьбе за место под солнцем. Которое строго следило за своей сохранностью. Которое наверняка беспощадно мстило тому, кто ушёл из зоны.

Тема 7. Драма русского раскола

Источник. Иванов А.В. Тобол. Мало избранных: роман-пеплум / Алексей Иванов. – М.: Издательство АСТ: Ред.Е.Шубиной, 2019. – С. 254-255; 168-181.

Ремезов не сочувствовал раскольникам. Слишком уж они были уверены в своей правоте, слишком жестко проводили черту между собой и всеми остальными православными. Их терзала гордыня. Это вель от гордыни они начали перечить царю Алексею Михалычу и патриарху Никону, будто не хуже царя и патриарха разбирались в вере и делах государства. Но из числа людей Семен Ульянович раскольников не выбрасывал....

С чего они такие надменные? Они божью истину открыли? Но ведь для истины они ничего не делали – терпели гоненья и муки, и все. А терпеть и скот может. Как вообще истину надо познавать – на порке или трудах? Он, Семен Ремезов, изограф и архитектор, за-ради истины работал всю жизнь, камень к камню складывал, венец к венцу, слово к слову. Это он истину проведал, а не раскольщики. Однако для них н – дрянь, жаба помойная. И все равно нельзя их терзать.

Разумеется, он слышал о расколе. Семьдесят лет назад русская церковь претерпела большую реформу, но часть православных не приняла новшеств. Эти несогласные были названы раскольниками. Власть преследовала их, а они бежали на дальние и неосвоенные окраины державы. В приверженности старым порядкам они были настолько упорны, что иной раз даже устраивали добровольные сожжения. Таежные аутодафе были весьма необычными и любопытными явлениями. Впрочем, их дикарский характер не вызывал сомнений... европейская реформация влекла за собой огромные изменения: папа лишался власти, монастырские земли переходили коронам, создавалась новая система церковных иерархий, отличная от католической и так далее. Однако русская реформация не вызвала особых перемен. Русское церковное

византийство оставалось таким же полнвластным и пышным, каким было и прежде, и лишь незначительно отличалось в обрядах. Здравомыслящий человек примет эти отличия без сопротивления: не все ли равно? Но русские фанатики согласны были погибать за форму креста или за прозношение пары звуков и Символе веры. Это было признаком варварства...

...В деревне стучало, стучало дошатое било. Семён знал, что там одноглазый дьявол Авдоний загоняет в «згорелый дом» насмертников - баб, даже тех, что с младенцами, парней и девок, детишек, стариков. А с ними и Епифанию.

Семён упал на одно колено, поднял заряженное ружьё и выстрелил. Саул изумлённо уставился на две половинки иконы у себя в руках - пуля расколола икону пополам и пробила ему грудь. Саул рухнул.

- Не сметь! - яростно взревел Табберт.

Но его не послушали. Грохнул ещё выстрел, и Навин тоже повалился. Чилигинские мужики, сопровождавшие попречников, на мгновение замерли, а потом молча по-вернулись и кинулись прочь в проулок.

- В храме гореть будут! - крикнул Леонтий. - Давай туда!

Служилые бросились за чилигинцами, не ожидая приказа командира.

- Стоять! - Табберт выхватил пистолет. - Стоять!

Он ничего не понимал. В гневе он был готов выстрелить по своим - но всё же не выстрелил, бессмысленно подняв ствол пистолета к пасмурному небу. Что происходит? К ним явились парламентёры - это начался торг об условиях капитуляции!.. Почему же служилые убили посланцев? Сие какие-то недобрые хитрости русской жизни, о коих он не осведомлён?..

Проулок, который вёл с берега на площадь, где стояла церковь, был основательно перегорожен: между крепкими заплотами подворий чилигинцы вкопали частокол. В нём оставался проход, однако там толпилась охрана - другие мужики с вилами и косами на ратовищах. Похоже, чилигинские раскольники готовились драться врукопашную. Мужики, что пришли с попречниками, спасаясь от служилых, неслись к проходу в частоколе.

Табберт на бегу подумал, что атакующим надо остановиться: командир должен изложить им план взятия прохода на приступ. Крестьянская оборона не выдержит правильно организованного штурма. Но служилые гнались за мужиками и без колебаний стреляли в спины. Табберт догадался: служилые хотят с разгона смять сопротивление крестьян у ограды, чтобы прорваться на площадь и перебить всех, кто попытается поджечь церковь. В приказах Табберта служилые не нуждались: этот швед не знал, как устроена гарь, а они знали и действовали на опережение. Табберт понял, что он тут лишний.

Пальба и вид убитых мгновенно развеяли решимость обороняющихся. Чилигинские мужики отскочили от частокола и помчались к площади. У них не получилось ни прений с антихристами, ни пружания, - весь порядок, замысленный Авдонием для Корабля, сломался. А служилые не отставали.

Вокруг церкви заволокло суетились те, кого ещё не загнали внутрь: отбившиеся дети в маленьких саванах; испуганные девки, в последний миг отпрянувшие от райских врат; неуклюжие старики и старухи, что запутались непослушными ногами в подолах смертных одежд и упали на полпути. Кто-то рыдал, кто-то отчаянно вопил, кто-то выкручивался из цепких чужих рук. Мужики-раскольники подхватывали отставших и тащили к храму, взашей толкали вверх по крутой лестнице висячего крыльца. Бревенчатая церковь, грозно раскинув тесовые крылья кровель, вздымалась над вытоптанной площадью, словно огромная птица, которая приземлилась здесь только на мгновение, чтобы подобрать птенцов, и готова тотчас взлететь в небо. .

Служилые ворвались в белую толпу насмертников, как волки в стаю лебедей; не разбирая, ударами прикладов они валили на землю всех подряд: пусть избиты, зато не сгорят. Церковь понизу была обложена валом из дров, хвороста и соломы, и кое-где этот вал уже густо дымил; служилые хватили брошенные мужиками вилы и отгребали подождённые кучи от стен. Леонтий увидел, как за угол храма нырнул брат Сепфор с огневищем в руке; Сепфора Леонтий помнил по Тобольску. Леонтий метнулся за раскольником, но опоздал: Сепфор, торжествуя, сунул своё огневище в узкую щель волокового

окошка. Конечно, наглухо заколоченный подклет церкви тоже был заполнен дровами и соломой, и загасить в нём пожар уже никто не смог бы. Леонтий вскинул ружьё к плечу и безжалостно выстрелил Сепфору в лицо.

Табберт вышел на площадь, опустив пистолет, и просто наблюдал. Гнев его сменился глубоким недоумением: Табберт не знал, что ему делать. Он окунулся в самую гущу русской жизни - и оказался чужим и бесполезным. В суматохе служилые оставили без внимания высокое крыльцо храма - никто не сомневался, что насмертники уже заперлись внутри, а оттащить горящие дрова сейчас было важнее. Но дверь под навесом крыльца вдруг приоткрылась. На лестницу с топором в руке скользнул брат Пагиил; он упал на колени и принялся рубить опорное бревно-косоур - если его перерубить, то лестница обрушится, и высокое крыльцо окажется недоступным, как птичье гнездо на дереве. В проёме двери появился Авдоний. Усмехаясь, он оглядывал площадь: с борта Корабля кормчий прощался с берегом.

Авдония увидел только Семён. Его мушкет был пустой после выстрела по Саулу. Семён бросился к Табберту и рванул у него из руки пистолет. Табберт растерянно выпустил оружие, отступая перед ошалевшим Ремезом.

- Заряжен? - бешено спросил Семён.

- Так, - кивнул Табберт.

Семён вытянул руку и прицелился в Авдония, но, ругаясь, перевёл ствол на Пагиила и выстрелил. Пагиил мешком свалился с крыльца на землю. Авдоний замер в проёме, осознавая случившееся, потом отшагнул назад и захлопнул дверь. Всё, его Корабль отплывает. - Заколочивай! - приказал Авдоний Хрисанфу. Хрисанф перекрыл дверь толстой доской и обухом топора принялся вбивать большие плотницкие гвозди длиной в полторы пяди. Никто из насмертников не сумеет отодрать такую доску и распахнуть дверь.

Церковь была полна народу. Детский плач, торопливый шёпот, кашель, молитвенный бубнёж и стоны сливались в сплошной гомон. Сквозь щели меж половицами уже курился дым, и всё вокруг заволакивала душная мгла.

Авдоний расталкивал людей, пробираясь вглубь храма. Душа его вздувалась, как парус, в каком-то страшном вдохновении.

- Мы успели, братия! - голос его легко перекрывал шум. - Возлетаем! Корабль наш солдаты окружили - се беси! Они на главах рога прячут под мертвяковыми волосами! У них кафтаны куцые, дабы змеевитие хвостей не сковать! У них на стопах верзни аршинные, дабы копыта уместить! Они глаголят, как лают, а из пастей серный дым смердит! Обаче беси на ны не посягнути, ибо zde твердыня веры истинной, и не отвергнемся от нея!

- Надолго ли мука наша? - страдальчески спросила какая-то баба.

- Ненадолго, сестра! - широко улыбнулся Авдоний, будто ощерился. - Малый миг стерпи, и купно воспарим, как стая голубиц! Нам на небеси уже светы возожгли неизъяснимые, апостол Петр у райских врат ключами звенит, слышишь? - Авдоний наклонил голову, вглядываясь бабе в лицо. - Все на колена воздвигнитесь и молитесь! - закричал он, поворачиваясь направо и налево. - Сей час купель огненная на нас опрокинется, тягота земная от нас отыщет, дух возвеется, и вознесемся бестелесно в объятья божий!

Насмертники вокруг него опускались на колени, обнимая друг друга.

А снаружи Семён подобрал топор Пагиила и взлетел по лестнице на висячее крыльцо. Он толкнулся в дверь, чтобы убедиться - здесь заперто, и сразу обрушил топор на косяк, прорубаясь в церковь. Из-под двери полз дым, за досками слышались голоса - жуткие, будто из могилы. Рядом с Семёном уже не было места для другого человека, и три казака, чтобы не мешать, отступили вниз по лестнице, готовые броситься в храм, едва дверь упадёт.

У крыльца толпились служилые, вокруг церкви валялись избитые или убитые люди в саванах, из рук Леонтия вырывался парень в погребальном балахоне - Малахия, товарищ Леонтия по джунгарскому плену.

- Пусти меня! - выл он. - Пусти! Алёнушка моя! Меня забыли!..

Табберт смотрел, как Семён крушит дверь, и его пробрал озноб. Капитан Табберт нутром почувствовал, какой запредельный ужас сейчас запечатан в бревенчатой коробке церкви. Две стены её уже покрылись прозрачным

бегучим огнём, а с третьей стороны от подножия храма из окошек подклета валил дым. Табберт снял треуголку и перекрестился дрогнувшей рукой.

Дым уже заполнил всю церковь изнутри; надрывались младенцы, в голос ревели дети. Авдоний прижимал к себе Епифанию, и она слышала, как у Авдония в груди что-то клокочет - то ли кашель, то ли смех. К Авдонию сквозь толпу пролез Хрисанф. Хватая кормчего за плечо, он проскрежетал:

- Внучеки мои ждут меня на небушке, я их вижу! - глаза у Хрисанфа налились кровью. - Скорблю токмо, что вертеп тобольский я не обрушил!

- Сам рухнет...- выдохнул Авдоний. Хрисанф заглянул Авдонию в лицо, глаза у него были безумные. •.

- Тот вертеп - мой грех! Я за него долго сейчас умирать буду, пока до самых косточек не обуглюсь, и чашу страданий испью до дна!

- Отойди, брате!

Авдоний оттолкнул Хрисанфа, чтобы Епифания не слышала, но она слышала - и видела всё, что вокруг творится. Её колотило, и Авдоний сжимал её всё крепче. Из-под половиц вверх по бревенчатой стене вдруг плеснуло яркое пламя, освещая дощатый потолок, расчерченный длинными тяблами, и люди завопили, шарахнулись прочь от огня, в давке сшибая друг друга с ног. Завизжала и забилась девка, у которой затлели саван и коса.

- Больно вам?! - вдруг заорал Авдоний, подаваясь вперёд. - Больно?! Терпите, паскудники! Терпите, ироды! Это ваши грехи на душах обгорают!

Епифания уже не боялась умереть - ей страшно было увидеть, как люди вспыхнут заживо, но она не могла зажмуриться, не хватало сил. И огонь наконец прорвался. Всё вокруг мгновенно засияло, толпа повалилась, а над горой из людей Епифания вдруг увидела дьявола - огромного пламенного змея, который в бурлящем дыму выгибал и крутил кольца своего тела. У него была собачья голова с рогами, и он глянул прямо в душу Епифании.

В это время Семён нанёс последний удар топором, и дверь отскочила внутрь, но уткнулась во что-то мягкое. Семён упал на неё плечом, расширяя

проход, и протиснулся в щель. Казаки с лестницы сунулись вслед за Семёном, но им навстречу из проёма двери поперла вопящая толпа в саванах.

А в церкви были пекло, смятение и сплошной крик. Одна стена пылала до потолка. Люди металась, потеряв разум, роняли и топтали друг друга; бесновались, охваченные огнём, валились в шевелящиеся кучи, по которым ползли те, кто ещё мог двигаться. Семён расшвыривал насмертников с дороги, наступал на кого-то, задыхаясь, лез через упавших, как через живой бурелом. Он увидел Авдония. Авдоний стоял во весь рост и раскачивался в каком-то иступлённом упоении. У его коленей скорчилась Епифания.

- Ризою твоею облачи!.. - хрипел Авдоний. - Аллилуйя!.. Радуйся, Дево!.. Ключ от Царствия врат!.. Ника-коже отыде!.. Бога невместимого!.. Приимя мя кающаяся!.. Ада победителю!.. Силою свыше!..

Семён за плечи дёрнул Епифанию к себе, но она ещё крепче вцепилась в колени Авдония. Тогда Семён ударил Авдония в лицо, однако тот не упал. Семён ещё раз ударил его, Авдоний покачнулся, и Семён оторвал от его ног Епифанию. Схватив за волосы, он поволок её к выходу. Авдоний остался стоять - он и не заметил, что Епифании рядом больше нет.

- Да низринется враг!.. - слышал Семён за собой сквозь вопли насмертников. - Крылия вознесенные!.. И пребуду вовеки!..

Теряя рассудок в дыму и зное, шатаясь и оступаясь, Семён не добрёл бы до двери, но откуда-то из мглы и бреда вдруг вынырнул Леонтий.

- Её возьми... её... - сипел пересохшим горлом Семён, переваливая на руки брата обвисшую Епифанию.

- Да что же ты за дурак, Сенька! - простонал Леонтий, принимая ношу.

Капитан Филипп Табберт фон Страленберг с площади наблюдал за этой русской гекатомбой в таком смятении чувств, какого не испытывал даже в битве под Полтавой. Война есть война, а тут - чудовищное извержение человеческого страдания, неукротимой веры и варварского самозверства. Конечно, он, швед, был здесь чужой, но он видел всё это своими глазами, и перед ним разверзлись такие глубины жизни сего народа, какие невозможно

вообразить или измыслить. Если ему дорого христианское человеколюбие, он должен рассказать миру о своих открытиях. Конечно, эта история будет грозным предостережением от дикости нравов - но здесь, пред огнедышащей церковью, она вызывала в нём противоестественное восхищение.

Табберт смотрел, как его казаки и служилые вытаскивают людей из горящего храма - обожжённых, ополоумевших мужиков, баб и детей в обугленных лохмотьях. И у Табберта перехватило горло, когда он подумал, что, может быть, впервые в жизни видит, как одни люди спасают других, а не убивают их в сражении, не принуждают в работах и не обманывают на торжище. Ради такого духовного опыта стоило претерпеть лишения плена.

А потом крыша храма с пылающей главкой, затрещав, осела внутрь; вверх с гулом выдуло блистающее облако искр; освобождённый огонь взметнулся из сруба столбом и поглотил шатровый пик колокольни. На месте церкви ярился исполинский костёр, в котором таяли бревенчатые углы, сложенные в обло. В сыром осеннем воздухе, мешаясь с водяным паром, дым за клубился в непонятном гневном возмущении, и показалось, будто над пожарищем всплывает огромный невесомый парусник.

Тема 8. Религия о браке и семье: христианская этика

Источник: Бертран Рассел. Брак и мораль.- М: АСТ, 2013, - С. 75–90.

У христианства, в особенности у св. Павла, была следующая точка зрения на брак: брак необходим не для того, чтобы рождались дети, а для того, чтобы исключить грех прелюбодеяния.

Вынесение проклятия всем внебрачным связям было нововведением христианской религии. Ветхий Завет, как и большинство сводов законов древних цивилизаций, действительно запрещает внебрачные связи, но имеет в виду половые сношения с замужней женщиной. Это очевидно всякому, кто внимательно прочтет Ветхий Завет. Когда Авраам со своей женой Сарой приходит в Египет, он утверждает, что Сара его сестра, и фараон, веря этому, берет ее в свой гарем; когда же он узнает, что она жена Авраама, фараон возмущен тем, что Авраам скрыл от него правду, - ведь из-за этого он непреднамеренно совершил грех. Именно таков был кодекс древнего общества. Согласно ему женщина, имеющая половую связь вне брака, предавалась проклятию, но это не распространялось на мужчин, за исключением того случая, когда у мужчины была связь с замужней женщиной, - ведь в этом случае мужчина был виновен в нарушении прав собственности.

С точки зрения христианской этики все внебрачные половые связи безнравственны, и эта точка зрения основана на убеждении, что всякая половая связь - в браке или вне брака - достойна сожаления. Но подобная точка зрения противоречит биологическим законам и может рассматриваться всеми здоровыми людьми как ужасное заблуждение. То, что она стала одним из принципов христианской этики, сделало христианство в течение всей его многовековой истории силой, толкающей людей к психическим заболеваниям и нездоровому образу жизни.

В период раннего христианства точка зрения апостола Павла настолько овладела умами людей, что они стали считать безбрачие признаком святости

и искать монашеского уединения в пустыне, где они боролись с Сатаной, который вызывал в их воображении похотливые видения.

В то время для церковников стала ненавистной привычка принимать ванну на том основании, что после нее тело - как считали они - стремится к греху. Иметь неприлично грязный вид стало похвально, и запах святости начал проникать повсюду. «Чистота тела и чистота одежды, - говорил св. Павел, - означает нечистоту души». Именно тогда вшей стали называть жемчугом Господа, и покрытый ими человек был святым вне всякого сомнения.

Св. Авраам, отшельник, проживший пятьдесят лет после своего обращения, совершенно отказался с этого момента умывать лицо или мыть ноги. Говорят, что он был необыкновенно красивый человек и - как утверждает его биограф - «его лицо отражало чистоту его души». Св. Аммоний никогда не раздевался. Известная девственница по имени Сильвия, достигнув возраста шестидесяти лет и страдая от тяжелого заболевания, ставшего следствием образа жизни, тем не менее наотрез отказалась, по религиозным соображениям, мыться и лишь споласкивала в воде пальцы рук. Св. Евпраксия ушла в монастырь, где было сто тридцать монахинь, которые не только отказались от ванны, но даже не мыли своих ног. Один отшельник решил, что его искушает дьявол, когда увидел, что по пустыне движется какая-то черная - от грязи, - нагая фигура с развевающимися по ветру седыми волосами. То была св. Мария Египетская, в прошлом одна из прекрасных женщин, которая в течение сорока семи лет искупала свои грехи.

Совершенно очевидно, что благодаря таким взглядам, ставшим к тому же общепринятыми, в отношениях между полами появились черты грубости и жестокости. Это отдаленно напоминает период запрета спиртных напитков в Соединенных Штатах. В те времена люди забыли об искусстве любви, и вместо нежности в брачных отношениях появилась жестокость.

Благодаря христианским аскетам в умах людей глубоко укоренилась идея, как важно оставаться целомудренным. Однако серьезным противовесом стало дурное влияние на людей их взглядов на брак. Хотя в многочисленных

писаниях отцов церкви можно найти два или три прекрасных отрывка в защиту брака, они не стеснялись громить институт брака в самых грубых и отвратительных выражениях. Этот институт, созданный самой природой для восполнения урона, наносимого смертью и, как показал еще Линней, существующий и в мире цветов, был для них следствием поведения Адама и не заслуживал ничего, кроме презрительного отношения. Им казались чуждыми и нежная любовь, и святыня, и чудо домашнего очага, которые были прямым следствием брака. Главным было привлечь внимание людей к целомудренной жизни, и потому было необходимо создать впечатление, будто в браке есть что-то низменное. Разумеется, они не могли не признавать, что этот институт необходим для продолжения рода и для того, чтобы освободить людей от большего зла, и потому они оправдывали его существование, но они все-таки считали брак состоянием деградации, избавиться от которого всем, кто стремится к достижению святости, можно было только бегством. Как энергично выразился св. Иероним, надо «срубить топором девственности древо брака», чтобы стать святым; и если он однажды отозвался о браке с похвалой, то только потому, что без брака не было бы ни девственников, ни девственниц.

Интересно, что страстное стремление к подвигам аскетизма могло разорвать уже существующие брачные узы. Мы уже писали о том, как это стремление могло отравить семейное счастье; но для брака было десятикратно опаснее стремление стать святым. Если эта религиозная страсть овладевала мужем или женой, их счастливому браку приходил конец. Тогда он или она становились аскетами, и даже если брак по видимости сохранялся, они находились в странном состоянии отчуждения друг от друга.

Всякий, кто знаком с литературой патристики и легендами о святых церкви, найдет в них бесчисленное множество примеров такого рода. Приведем хотя бы несколько. Св. Нил счастливо жил со своей женой, у них было двое детей; но им вдруг овладело страстное желание стать аскетом, и ему удалось убедить жену - после долгих уговоров и слез - жить отдельно. Св.

Аммоний обратился в брачную ночь к своей невесте со страстной речью о нечистоте брака, и она согласилась жить отдельно. Св. Мелания долго и упорно убеждала мужа не разделять больше вместе с ней постель, и он в конце концов согласился. Св. Авраам бежал от жены в первую брачную ночь. Св. Алексей, согласно одной легенде, поступил точно так же; спустя много лет он вернулся из Иерусалима в дом отца, где продолжала жить его жена, непрерывно скорбя о нем. Просил принять его и жил здесь, никем не узнаваемый, до самой смерти.

В противоположность апостолу Павлу и отшельникам Фиваиды католическая церковь не оставила без внимания биологические основы брака. Легко догадаться, что апостол Павел рассматривал брак как более или менее законное средство избавиться от похоти. Однако из его слов нельзя заключить, чтобы у него были какие-либо возражения против контроля над рождаемостью; напротив, можно предположить, что он считал весьма опасными следующие друг за другом периоды беременности. У церкви было другое мнение.

Согласно ортодоксальному учению католической церкви брак преследует две цели: 1) ту, что проповедовал апостол Павел, и 2) ту, которая требует от состоящих в браке рождения детей. С учетом второй цели моральные нормы отношений между полами делаются еще более затруднительными, чем они были во времена апостола Павла. Отсюда следовало не только то, что половые отношения легитимны лишь в рамках брака, но также и то, что они есть грех, если не заканчиваются беременностью. С точки зрения католической церкви половые отношения могут быть оправданы лишь рождением законных отпрысков.

Так, в отношениях между женой и мужем появились черты жестокости: если женщина возражает против полового сношения, если очередная беременность может закончиться ее смертью, если в результате может родиться больной или психически ненормальный ребенок, если семья живет в страшной нищете и не в состоянии прокормить родившегося ребенка - все

равно муж вправе требовать от жены выполнения своих супружеских обязанностей, потому что он хочет зачать ребенка.

Учение католической церкви в этом вопросе основывается на двух постулатах: во-первых, на постулате аскетизма, который мы находим уже у апостола Павла; во-вторых, на постулате - чем больше будет рождаться младенцев, тем больше будет душ, достигших спасения. При этом непонятно, почему не принимается во внимание тот факт, что души могут получить и проклятие. Интересно, что католическая церковь использует свое политическое влияние, чтобы оказывать давление на протестантов, которые пользуются противозачаточными средствами. Однако если бы протестанты отказались от этой практики, то их родившиеся дети были бы как еретики преданы вечному проклятию в будущей жизни. Такого рода влияние нельзя назвать благотворным, но, по-видимому, здесь сокрыта какая-то тайна, непонятная непосвященным.

И все-таки утверждение, что брак обязательно требует рождения детей, является в учении католической церкви всего лишь побочным. Дальше того, что половые отношения без рождения детей являются грехом, церковь не пошла и не признала возможность расторжения брака, если он оказался бездетным. Как бы ни хотел один из супругов рождения ребенка, это невозможно, если другой бесплоден, и христианская этика ничем ему не может помочь. Получается, что рождение детей в браке - не основное с точки зрения церкви, а главная цель - как и для апостола Павла - это предупреждение греха прелюбодеяния. Именно оно находится в центре внимания церкви, а брак всего лишь не слишком благовидная возможность избежать этого греха.

Чтобы скрыть свою низкую точку зрения на брак, католическая церковь объявила его священным. Практическим выводом из этого постулата является то, что узы брака нерасторжимы. Вне зависимости от того, какие поступки совершены одним из супругов, является ли кто-либо из них психически ненормальным, сифилитиком или закоренелым алкоголиком, живет ли он (она) с другим человеком, - узы, связывающие супругов, нерасторжимы,

потому что священны. Правда, при определенных обстоятельствах возможно раздельное проживание супругов, но разрешение на развод и повторный брак никогда не дается. Конечно, это является причиной многих несчастий, но поскольку такова Божья воля, эти несчастья следует переносить безропотно.

Но наряду с этими очень строгими взглядами в католической церкви всегда существовала определенная доля терпимости по отношению к греху. Для церковников было совершенно ясно, что обыкновенному человеку в силу его природы не свойственно жить в согласии с учением церкви, и они были готовы дать отпущение греха при условии, что грешник исповедался в нем и принес епитимию. Этот практический подход увеличивал власть духовенства, поскольку только от него исходило отпущение греха - и греха прелюбодеяния тоже, - без которого душу ожидало вечное проклятие.

Точка зрения протестантизма, хотя и несколько отличалась, была в теории менее суровой, но на практике гораздо более жесткой. На Лютера произвели глубокое впечатление слова «лучше жить в браке, чем разжигаться», и он полюбил монахиню. Хотя он и давал обет целомудрия, он решил жениться на монахине и даже считал это своим долгом, поскольку иначе - из-за слишком большого чувства - он совершил бы смертный грех.

В результате протестантизм отказался от возвеличивания обета целомудрия - как это было в католической церкви - и заодно со свойственной ему энергией отбросил идею священности брака, разрешив развод при определенных обстоятельствах. Однако у протестантов грех прелюбодеяния вызывал гораздо большее негодование, чем у католиков, и гораздо большее моральное осуждение. Если католическая церковь с пониманием относилась к грешникам и приняла по отношению к ним соответствующие меры, то протестанты, отказавшись от исповеди и отпущения грехов, поставили грешников в гораздо более безнадежное положение. Эта ситуация хорошо прослеживается сейчас в Соединенных Штатах, где получить развод чрезвычайно легко, но где адюльтер безжалостно осуждается, не в пример католическим странам.

Вся система христианской этики - и в католицизме, и в протестантизме - требует пересмотра и, насколько это возможно, отказа от предвзятых идей, с помощью которых и благодаря христианскому воспитанию оказывается влияние на большинство из нас. С детства непрерывно повторяемые, эмоционально заразительные утверждения создают в умах большинства людей убеждения, настолько прочные, что они становятся подсознательными. И хотя многие воображают, что совершенно свободны от ортодоксальных взглядов, они на самом деле подсознательно все еще руководствуются учением церкви.

Давайте со всей искренностью спросим себя, что побудило церковь проклинать прелюбодеяние? Считаем ли мы, что для этого у нее были справедливые основания? Если же мы так не считаем, имеются ли другие основания, которые могли бы заставить нас прийти к тому же самому заключению?

Уже в первые века существования христианской церкви в половом акте видели что-то весьма нечистое, хотя и находили для него извинения в том случае, если были соблюдены определенные требования. Подобное отношение должно рассматриваться как чистое заблуждение, которое, вероятно, утвердилось вследствие тех причин, о которых уже говорилось в предыдущей главе и где подчеркивалось, что презрительное отношение к сексу обязано своим происхождением влиянию людей, страдающих от телесных или душевных заболеваний, либо и от того и от другого.

Тот факт, что подобное отношение - хотя оно и в высшей степени нелепо - стало широко распространенным явлением, еще ничего не доказывает, поскольку общепринятые мнения по большей части глупы, вследствие глупости основной массы людей. Так, например, туземцы, обитающие на острове Пелью, убеждены, что ношение кольца в носу обеспечивает им вечное блаженство. А вот европейцы считают, что тот же самый результат гораздо лучше достигается, если побрызгать на голову водой и произнести при этом

определенные слова. Вера туземцев - суеверие, вера европейцев - одна из истин священной религии.

Так, например, слова адюльтер и прелюбодеяние уже несут в себе такое строгое моральное осуждение, что, пользуясь ими, трудно получить ясное представление о предмете, к которому они относятся. Но есть и другие слова, которые любят употреблять авторы, стремящиеся разрушить наши моральные принципы; вместо слов осуждения они говорят о любовной интриге, о любви, не скованной холодными узами закона. И те и другие слова рассчитаны на то, чтобы вызвать предубеждение. Если мы хотим обдумать вопрос беспристрастно, нам следует избегать как первого подхода, так и второго. К несчастью, нам при этом придется расстаться с таким привычным для нас стилем изложения. И слова хулы, и слова хвалы эмоционально окрашены и рассчитаны на интерес читателя, так что благодаря этому автору не нужно прилагать слишком большие усилия, чтобы увлечь читателя за собой в любом желаемом направлении.

Однако если мы желаем обратиться к разуму, нам надо употреблять такие серые, нейтральные фразы, как, например, внебрачные половые отношения. Впрочем, такое требование, по-видимому, является слишком суровым, ведь мы имеем дело с вопросами, затрагивающими в очень сильной степени эмоции людей, и если мы полностью устраним эмоциональный аспект в наших писаниях, мы рискуем упустить возможность изложить суть предмета. Во всем, что касается отношений между полами, существуют полярно противоположные точки зрения тех, кто является непосредственным участником, и тех, кто, сжигаемый ревностью, наблюдает за событиями. Для одних это любовная интрига, для других - прелюбодеяние. Нам, очевидно, не нужно забывать об эмоционально окрашенных словах, но пользоваться ими со всей осторожностью, а в основном ограничиться нейтральной и строго научной фразеологией.

Христианская этика, делая акцент на целомудрии, неизбежно привела к приниженному положению женщин в обществе. Поскольку в качестве

законодателей морали выступали мужчины, женщины стали соблазнительницами; но если бы законодателями были женщины, в этой роли выступали бы мужчины. Но благодаря тому факту, что на долю женщины выпала роль соблазнительницы, было желательно существенно ограничить ее возможности совращения мужчин; вследствие этого достойные уважения женщины загонялись во все более и более строгие рамки ограничений, в то время как женщины недостойные подвергались самому сильному общественному презрению. И только в настоящее время женщины обрели в какой-то мере свободу, которой они пользовались во времена Римской империи. Как мы уже знаем, в патриархальном обществе, еще до появления христианства, было очень много сделано для того, чтобы поработить женщин. Труды отцов церкви полны обвинениями в адрес женщин.

Женщина есть преддверие ада точно так же, как она есть мать всех несчастий людей. Она должна испытывать чувство стыда при одной мысли, что она родилась женщиной. Она должна жить в состоянии непрерывного покаяния за то, что благодаря ей в мир пришло зло. Она должна стыдиться своего платья, поскольку оно должно напоминать ей о ее падении. В особенности же она должна стыдиться своей красоты, ибо красота есть мощное средство в руках дьявола.

Физическая красота была постоянным предметом нападков со стороны служителей церкви; впрочем, одно исключение все-таки было сделано: например, во времена средневековья изображения епископов на могилах старались сделать красивыми. Однако постоянно подчеркивалось подчиненное положение женщин. Например, в VI в. один из провинциальных советов церкви запретил женщинам брать во время обряда причащения облатку голой рукой вследствие их нечистоты.

В том же смысле были изменены по отношению к женщинам законы о собственности и наследстве. И только благодаря свободомыслящим деятелям Великой Французской революции дочери обрели право наследства.

Тема 9. Религия, которая убивает: тоталитарные секты

Источник: Как защитить себя и своих близких от тоталитарных сект: Сборник. Сост. Дворкин А.А., профессор, доктор философии, канд. богословия / Российская ассоциация центров изучения религий и сект; Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. М.: 2012. – С. 62–67; 168-178.

Тоталитарные секты - это авторитарные идеократические группы, которые манипулируют своими членами и эксплуатируют их, нередко причиняя им психологический, финансовый и физический вред. Руководители тоталитарных сект скрывают свои цели под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками.

Лидеры тоталитарных сект претендуют на обладание сверхчеловеческим статусом; вся группа в целом ставит себя выше общества и семьи и противопоставляет себя им. Для сектантов характерно черно-белое (свои - чужие, чистые - нечистые, спасенные - погибшие, элита - быдло и т. п.) мировоззрение, не знающее полутонов. Люди с сектантским мышлением ищут козлов отпущения для объяснения собственных сложностей и проблем общества. Сектантское мышление бывает особенно распространено во времена социальных или экономических кризисов и может привести к нетерпимости и экстремизму.

Из представления тоталитарных сект о себе как об исключительных носителях абсолютного блага вытекает их приверженность принципу «цель оправдывает средства»: нравственным считается то, что полезно секте. Поэтому тоталитарные секты легко прибегают к обману, умолчаниям и навязчивой пропаганде для привлечения новых членов.

Члены тоталитарных сект обязаны беспрекословно подчиняться своим обожествленным вождям. Вопросы, сомнения и недовольство искореняются и приводят к наказаниям. Для подавления сомнений относительно группы и ее лидера используются своего рода психические наркотики, отупляющие разум и в то же время вызывающие своеобразную эйфорию и зависимость (механическое повторение молитв или заклинаний, экстатические или медитативные практики, обличение отдельных «виновных» членов в присутствии собрания, необычные и/или унижительные задания и так далее).

Тоталитарные секты прибегают и к другим неэтичным способам контроля над всеми сторонами жизни и личности адептов. Методы манипулирования людьми могут быть чрезвычайно эффективными и приводить к состоянию стойкой зависимости от манипуляторов. Эти методы базируются на двух основных принципах:

1. Внезапные, резкие перемены среды могут сделать человека особенно восприимчивым к внешнему влиянию и способствовать резким и глубоким переменам его мироощущения, системы ценностей и веры.

2. Если вы можете заставить человека вести себя так, как вы этого хотите, вы можете заставить его поверить в то, что вы хотите.

Группа может долгое время контролировать своих членов, используя с этой целью следующие приемы:

Изоляция. Руководство группы поощряет общение и совместное проживание только с другими членами группы, а зачастую и требует этого. Если вы физически отделены от общества и привычного окружения, вы можете утратить собственные представления о действительности.

Социальное групповое давление. Если эксплуатируется присущее вам от природы чувство принадлежности к социуму, вы можете начать подавлять в себе сомнения в идеях группы или сопротивление им, которые вы проявили бы в других обстоятельствах.

Вина. Внушается абсолютно негативная оценка досектантской жизни и культивируется чувство вины за невозможность адекватно отблагодарить группу за спасение от «грехов» прошлого.

Страх. Лояльность группе и подчинение ее правилам и идеологии может достигаться путем запугивания негативными духовными и физическими последствиями нарушений этих правил, особенно последствиями выхода из группы.

«Бомбардировка любовью». Чувство принадлежности к секте как к единой семье может быть искусственно создано частыми объятиями, поцелуями, прикосновениями и непрекращающейся лестью.

Интенсивная индоктринация и информационная блокада. Вы обязаны постоянно штудировать издания секты и просматривать и прослушивать ее материалы в записях. Вместе с тем ни в коем случае не разрешается обращаться к критическим материалам о секте и, как правило, вообще к любым внесектантским источникам информации.

Деиндивидуализация. Если вам не оставляют времени на самого себя, если вам нельзя побыть в одиночестве, вы постепенно утрачиваете способность объективно мыслить и оценивать ситуацию «со стороны», «в перспективе».

Усталость и истощение. Если вы не получаете необходимого отдыха и питания, вы теряете способность адекватно воспринимать обстановку и делаетесь сугубо подверженным влиянию, в особенности если при этом вас постоянно ставят во все новые и но-вые непривычные для вас ситуации и предоставляют противоречивую информацию.

Внушение недоверия к рациональному мышлению. В результате вы теряете способность критически оценивать идеологию и практику группы.

Языковой контроль. Введение нового словаря и/или изменение значения обще-употребительных слов приводит к изменениям в мышлении.

Контроль межполового общения. Предписания группы могут быть различны: от полного запрета половых отношений или назначения супруга по

усмотрению лидера секты до предписания группового секса, извращений и проституции. Очевидно, что любая форма надзора за наиболее интимной сферой человеческой жизни служит эффективным средством порабощения.

В результате совокупного действия приведенных приемов контроля над каждым членом тоталитарной секты происходит подавление его подлинной личности и замещение ее набором поведенческих, речевых, эмоциональных и мыслительных штампов - манипулируемой квазиличностью. При полной ориентации на лидера подчиненные члены тоталитарной секты подражают ему во всем. Если же глава секты имеет криминальные или извращенные наклонности, страдает психическими расстройствами, то срабатывает механизм психологической индукции, своеобразного заражения сектантов пороками и психическими патологиями основателя.

Для тоталитарных групп характерно отношение к человеку как к инструменту или средству для достижения идеологических, меркантильных или патологических целей лидера; для здоровых, конструктивных религиозных и общественных организаций каждая личность является целью, но не средством.

В ноябре 1978 года весь мир был потрясен, узнав о страшном конце возглавлявшийся Джимом Джонсом секты «Народный храм». На жутких кадрах, помещенных в ведущих средствах массовой информации, были запечатлены тела мужчин, женщин и детей, лежащие в неестественных позах на поляне посреди тропического леса. Мертвые тела. Всего 912 человек. Они уверовали в своего лидера и последовали за ним в джунгли Гайаны, где приступили к строительству идеального города, названного по имени руководителя секты Джонстауном, а затем подчинились его приказу совершить самоубийство, выпив яд, или, по меньшей мере, не слишком сопротивлялись, когда им стреляли в затылок. Мнения детей не спрашивал никто: младенцам раствор впрыскивали в рот пипетками. Дети постарше доверчиво выпивали поднесенный им матерями сладкий напиток в одноразовых бумажных стаканчиках. Выпивали, чтобы через несколько

секунд забиться в конвульсиях от страшных болей, раздиравших их внутренности, а затем затихнуть навсегда.

Так мир воочию увидел исходящую от тоталитарных сект смертельную опасность. И до этого родные адептов новых религиозных движений жаловались на секты, «промывшие мозги» членам их семей и изменившие их до неузнаваемости. Уже появлялись публикации о криминальной деятельности ряда новых сект и происходящих в них вопиющих нарушениях прав человека. Уже были проведены первые парламентские расследования деяний той или иной секты, вызвавших озабоченность общественности и правительства той или иной страны. Уже прозвучали первые судебные процессы, как развязанные сами сектами против их критиков, так и инициированные против сект.

Но все это было достаточно отвлеченно и могло быть воспринято с недоверием или скепсисом. Теперь мир воочию увидел, что секты убивают. Кадры жертв Джонстауна стоят в одном ряду с фотографиями из ГУЛАГа или Освенцима и со снимками «полей смерти» камбоджийского диктатора-убийцы Пол Пота.

Интересно, что отечественный агитпроп, интуитивно почувствовав родство «Народного храма» с советским коммунизмом, опубликовал ряд статей о «социалистической коммуне» прогрессивного деятеля Джима Джонса, которая, дескать, хотела эмигрировать в СССР, за что и была зверски умерщвлена агентами ЦРУ. Впрочем, о религиозно-сектантском характере марксизма-ленинизма писалось уже достаточно много.

Собственно, и Джим Джонс, использовавший в построении своей «истинно христианской» религиозной системы многие элементы марксизма вкупе с оккультными практиками и обрывками восточных религий и обещавший боготворившим его последователям рай на земле и вечное блаженство на небесах, не смог придумать ничего лучшего, чем тот же самый ГУЛАГ' с хорошо знакомыми нам приметам.

Началось все в Миннеаполисе, а продолжилось в Сан-Франциско, где «евангелическую группу» Джонса очень полюбили разные либеральные протестанты за ее «социальную» направленность и обращенность к бедным и обездоленным слоям населения. Даже левое правительство города поначалу поддерживало «Народный храм» и назначало его лидера на ответственные социальные посты.

Лишь по прошествии нескольких лет начали просачиваться слухи о суровом контроле, установленном над членами секты, финансовых поборках, обожествлении лидера, жестоких наказаниях, сексуальном насилии и других нарушениях прав человека. Запахло скандалом, и Джоне объявил о новом, вдохновленном свыше решении: всем нужно покинуть этот растленный город и ехать в Латинскую Америку, в Гайану, где в прекрасном теплом климате, в девственных лесах, на свежем воздухе, вдали от грязи, разврата, расизма и социальной несправедливости американских городов истинные верующие построят себе рай на земле. Большая часть сектантов, одурманенных и запуганных своим богоподобным лидером, последовала за ним.

К тому времени Джонс уже открыто провозгласил себя реинкарнацией Христа, Будды, пророка Баба (основателя бахаизма), Ленина и Самого Всемогущего Бога (Христа он считал не Богом, а великим социальным реформатором). На собраниях секты адепты, пританцовывая, хором распевали незамысловатые стишки, доводя себя до экстаза:

Я должен тебе сказать,
как Джим Джонс изменил мою жизнь.
Раньше я был раздавлен,
Я был исполнен отчаяния.
Но пришел пророк,
И он избавил меня.
Я знаю, что он Бог Всемогущий,
Бог Всемогущий,
Бог Всемогущий,

Бог!

«Всемогущий Бог» начал с того, что обнес место строительства идеального города колючей проволокой и по периметру поставил вышки с вооруженными до зубов охранниками. Он называл их своими ангелами и предупреждал: «Если кто захочет покинуть земной рай, мои ангелы о нем позаботятся». Теперь, среди непроходимых джунглей, в окружении вооруженных «ангелов», он мог на все сто процентов контролировать своих последователей.

Рабочий день под палящим ироническим солнцем в удушающей влажности болотистой, малярийной местности продолжался 12 часов под присмотром тех же охранников и аккомпанемент истерических выкриков Джонса, в записи передававшихся но громкоговорителям. Жили люди в бараках на двух-трехэтажных нарах. Женатые пары (если им позволялось жить вместе) отгораживались от других, завешиваясь одеялами. Кормили рисом с подливкой из бульонных кубиков и муки, а в особые дни добавляли немного бобов. Это при том, что на заграничных банковских счетах Джонса лежали десятки миллионов долларов, полученных от последователей, которые обязаны были отдавать ему всю свою собственность, а затем бесплатно работали на него.

Сам Джим Джонс жил в отдельном домике, специально построенном для него, сладко ел, долго спал и занимался сексом с поставлявшимися для него членами секты - женщинами и мужчинами. К окончанию рабочего дня он, изрядно накачавшись алкоголем, выходил наружу и начинал молитвенное собрание, которое продолжалось до двух-трех часов ночи. Подъем для членов секты был с восходом солнца. Естественно, самого Джонса это не касалось.

За малейшее нарушение правил полагались жестокие наказания, зачастую включавшие физические избиения и пытки. Не освобождались от истязаний: даже дети, которых, например, опускали в колодезь, покуда они не начинали захлебываться. После завершения наказания полуживой человек

должен был громко и долго выкрикивать, обращаясь к Джиму Джонсу: «Благодарю тебя, Отче!»

Все контакты с внешним миром строго контролировались. Переписка перлюстрировалась, а немногочисленных посетителей, если их вообще выпускали в Джонстаун, ни на секунду не оставляли без сопровождения. И все же новости об истинном положении дел просочились наружу. Многие отказывались в них верить (вспомним, как долго Запад отказывался поверить в реальность сталинского ГУЛАГа). Но все же в конце концов в Джонстаун была направлена инспекционная группа из США, состоявшая из журналистов и адвокатов. Возглавлял ее конгрессмен Лео Райан.

Вначале членам группы очень понравилось увиденное. Чисто выметенные улицы, приветливые люди, наперебой уверяющие, что они очень довольны своей жизнью, скромный, но питательный обед (для такого случая Джонсу пришлось разориться на показательную кормежку), замечательный детский концерт и неподдельный энтузиазм всех «коммунаров». Конгрессмен Лео Райан просто негодовал на клеветников, написавших всякие ужасы о такой замечательной коммуне.

Лишь поздно ночью, уже готовясь ко сну, он нашел в своей хижине несколько записок, повествующих о подлинной жизни в Джонстауне. Несколько человек, пользуясь темнотой, проползли к нему в жилище и рассказали такое, от чего конгрессмен уже больше не смог заснуть. Утром он попросил Джонса построить людей. «Кто хочет со мной уехать? - спросил Лео Райан. - Не бойтесь, пока я тут, с вами ничего не случится». Вперед шагнул один человек. За ним еще один, и еще, и еще...

«Заберите нас отсюда, - просила целая толпа. - Мы не можем тут оставаться, мы погибнем, нас убьют». Людей было гораздо больше, чем могло вместиться в два маленьких самолета, находящихся в нескольких километрах от Джонстауна. Райан отобрал самых больных, переписал имена остающихся и обещал вернуться за ними через день. Но и тех, кого отобрал конгрессмен, было слишком много. Тем не менее все они направились к взлетной полосе.

И тут у Джонса сдали нервы. Забившись в истерике, он послал погоню за «предателями». Самолеты еще не взлетели, Лео Райан рассказывал в них беженцев, стараясь поместить всех. Группа преследования немедленно открыла огонь. Райан и несколько журналистов были убиты, но летчик второго самолета под шквальным огнем все же смог поднять свой борт в воздух.

Джонс понял, что для него все кончено, и, созвав народ на главную площадь названного его именем поселения, объявил о последнем акте веры, который принесет всем спасение от наступающих агентов капитализма, расизма и мирового зла. Всем нужно выпить «эликсир жизни» и забыться сладким сном. «Умереть в революционном самоубийстве - значит жить вечно», - проорал он сорванным голосом в громкоговоритель. Эта сцена репетировалась уже много раз: Джонс по тревоге созывал народ, разогревал их проповедью, призывал сохранить верность ему до конца и выпить предложенное. Половником из большой кастрюли в стаканчики разливался растворимый сладкий напиток красного цвета «Кул Эйд», и люди пили его, готовясь умереть. Потом Джонс объявлял, что это была лишь проверка, и все смиренно расходились по своим баракам.

И на этот раз никто не знал, репетиция ли это. Люди выстроились в молчаливую очередь к кастрюле с напитком. Вооруженные охранники выдавали каждому подходившему по стаканчику. Лишь когда первые люди начали падать на землю и с криками корчиться от страшных болей - характерный признак действия цианистого калия, - все поняли, что репетиция наконец перешла в действительность. Но сектанты продолжали подходить и послушно брать в руки смертоносный напиток. Матери вначале давали выпить детям, а затем пили сами. Младенцам красную жидкость брызгали в рот из шприца. Затем сектанты отходили в сторону и ложились на землю. Если кто-то проявлял нерешительность, ему насильно впрыскивали яд или стреляли в затылок. Лишь нескольким удалось спрятаться или убежать. Джонс и охранники были последними покончившими с собой. По некоторым сведениям, Джонс пытался скрыться и был застрелен своим охранником.

Когда на следующий день к месту трагедии прибыл отряд морских пехотинцев, было уже поздно: над поляной, усеянной трупами, стоял сладковатый тошнотворный запах разлагавшихся тел... Патологоанатомы установили, что не менее 700 из 912 погибших были убиты и лишь остальные ушли из жизни «добровольно». 276 жертв «Всемогущего Бога» Джонса были детьми. Многие из них так и не опознали и похоронили в братской могиле. Это был первый ставший широко известным в современном мире случай, продемонстрировавший смертоносность религиозного тоталитаризма. Первый, но, к сожалению, далеко не единственный.

Тема 10. Система искусств в структуре мировых религий

Источник: Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии: Учеб. Пособие по спецкурсу для студентов филос. фак. ун-тов и вузов искусств. - 2 изд. - М.: Высш. шк., 1985. – С.43-56.

Всякая религия есть фантастическое, превратное отражение реальных человеческих отношений, отражение господствующих над человеком социальных и природных сил, приобретающих в религиозном сознании характер сверхъестественного.

Но кроме этих общих существенных признаков религии существует ее более специфически определенная структура. В процессе длительного исторического развития и взаимодействия искусства и религии в каждой мировой религии возникала определенная, функционирующая в структуре той или иной религии система искусств. Причем каждая мировая религия ввела в свою структуру ту или иную систему искусств и на уровне представлений (включающих в себя не только обыденные представления верующих, но и теологию, т. е. теоретическое начало).

Однако в каждой религии, как правило, доминирует один из этих уровней, что создает совершенно неповторимую и специфическую атмосферу духовной вообще и религиозно-эстетической жизни в особенности. Именно эта доминанта определяет оригинальность и своеобразие художественных и религиозных явлений, возникающих в процессе этого взаимодействия. Когда искусство начинает пронизывать все уровни религиозного сознания, это способствует процессу деформации структуры целостного религиозного организма.

Вместе с тем в процессе этого взаимодействия возникает синтезирующее искусство, которое определяет общие принципы организации данной системы искусств

Таким искусством становится театрализованное действие, органически связанное с образной, метафорической природой слова. Слово в так называемых священных книгах мировых религий обладает образной, эмоциональной убедительностью, его метафоричность подчас философски глубока, отражает значительное и существенное.

Определяющее значение слова во всех элементах христианского культа подчеркивают и сами богословы, в частности богословы русской православной церкви. Они говорят о том, что слово должно быть определяющим и в молитве, и в церковной службе, и в обрядах, и в церковном пении.

Организация верующих вокруг священного слова, так как вознесение молитв в форме хорового пения делало прихожан не только присутствующими при обряде, не только созерцателями и слушателями, но и активными соучастниками религиозного культа.

Именно поэтому в оценках церковников текст и мелодия занимают далеко не равноправное положение. Определяя соотношение повествовательного и мелодического элементов в церковных песнопениях, один из православных идеологов, Совершенство в вековой практике формы религиозной жизни и в особенности богослужения, православная церковь всегда следила за тем, чтобы они прежде всего были связаны с священным словом. Именно это и послужило одной из причин отсутствия в составе православного культа инструментальной музыки, так как чистый музыкальный язык, музыкальное искусство как таковое могло помешать восприятию слушателями вероучительных «истин».

Лучшим и незаменимым средством для выражения и насаждения религиозной идеологии православная церковь всегда признавала слово. Ведь само богослужение на церковном языке называется «словесною службою нашей богу», «словесным торжеством». Все церковные песнопения прежде всего литературные произведения эпического склада. Сами названия их обозначают или различные литературные византийские жанры (тропарь,

кондак, стихира) или же определяют содержание (богородичен, догматик, мученичен, величание и т. п.) и только в редких случаях указывают на способ исполнения (антифоны). Оставляя господствующее положение за священным словом, идеологи православия пытались лишить мелодию ее самостоятельной значимости, подчиняя ее церковному или богословскому текстам, тем более что в древнем христианском пении мелодия была лишь сопровождением слова, и сама по себе, без текста, не имела значения.

Этот принцип доминирующего значения слова разработан теоретически еще раннехристианскими богословами.

Поэтому проповедь на греческом, латинском или старославянском способна глубоко воздействовать на верующих (не знающих этих языков) своим интонационным строем, звучанием. «Не в смысле... речей, а в звуке - их действенность, полная глубокого содержания, внутренне - благообразного...», - заключает П. А. Флоренский.

Безусловно, как отмечалось выше, само слово, заключенное в христианских священных книгах, несло в себе не только религиозное, но и большое эстетическое, художественно-образное содержание, было многозначно, что позволяло религиям использовать его образность в своих целях.

В силу такой образности слова текст священных книг - Библии, Корана, Вед и др. поддается эффективной художественной интерпретации, переложению на язык поэтического или музыкального образа, на язык театрализованного представления. Именно это дает основание, например Н. Ю. Крачковскому, сделать вывод о том, что «Коран - первый памятник прозы... притчи, «сравнения, повести...».

В феодальной России театрализованные представления, или так называемые пещные действия, были важнейшим элементом духовной жизни православной церкви, они воспроизводили важнейшие сюжеты Ветхого завета и Евангелия. В XVI-XVII вв. в России широко развилось такое театрализованное церковное представление, как вынос плащаницы в конце

великого поста. Широко также распространено было пещное действо на темы страшного суда, на котором, как правило, присутствовали царь и высокородные бояре, тем самым как бы поощряя подобные формы религиозной пропаганды.

Театрализованные представления широко использовались при обрядах, совершаемых вне стен церкви, и в религиозных праздниках. Торжественные выходы патриарха или митрополита в православной церкви, папы или кардинала в католической, сопровождаемые колокольным звоном или мощными звуками органа, представляли собой непередаваемое зрелище. Крестные ходы с огромным количеством обрядовых предметов (хоругви, святые иконы, мощи, кадилы, дароносицы, потиры и т. д.), с пением толпы и молитвами священнослужителей и богомольцев создавали атмосферу эмоционального настроения.

Мировые религии стремились ограничить, а где возможно, и просто уничтожить влияние на верующих более древних форм театрального искусства - народных представлений, народных актеров. Преследуя скоморохов, шпильманов, жонглеров, актеров шильпи, деревенских музыкантов, церкви стремились развить только свой театр» - театр мистерий и церковных богослужений.

Церкви стремились ассимилировать языческие представления, придать им подлинно религиозный вид. Так, например, на Руси в период раннего феодализма возникает институт странников, или «калик переходящих», которые используют традиционные народные формы для пропаганды христианской идеологии. Они создают «духовный стих», который призван был заменить народную-былину, или «старину» (народная эпическая поэзия). Но «каликам переходящим» все же не удается вытеснить из народного сознания и былинку и творчество скоморохов. И даже в пору наибольшего своего расцвета духовная поэзия была не настолько сильна, чтобы заменить народу его прежнее эпическое и язычески-обрядовое предание. Как ни охотно народ слушал

«калик переходжих», им не удавалось заменить «веселых молодцов» - скоморохов.

В средневековой Западной Европе под влиянием позднего императорского Рима, в котором возникают бродячие актеры - мимы и гистрионы, разыгрывающие народные фарсы и водившие потешных животных, а также на основе самобытного творчества певцов и актеров из народа и дружинных певцов складывается институт народных певцов и артистов. В средневековой Франции - это жонглеры (буквально «игрецы»), в Испании - хулгары (от французского - жонглер), в Германии - шпильмань. Полностью этот институт жонглеров-шпильманов (по природе очень схожий с институтом русских; скоморохов) складывается к X в. и включает в себя представления с животными (медведь, обезьяна), балаганные сценки, чтение героических поэм и стихов.

Однако к народным актерам Западной Европы, так же как и в России, «аскетически настроенная церковь относилась... чрезвычайно враждебно, не допуская к причастию, отказывая им в христианском погребении и т. п. Так же и светские власти подвергали их гонениям, иногда лишая их права наследования и почти ставя вне закона».

Но ни феодалы, ни церковь не могли обойтись без; них, так как они были своеобразной «ходячей хроникой», «ходячей газетой», без них не обходились придворные торжества, религиозные праздники, ярмарки, народные гулянья. И всегда потешники были душой народа, ибо их искусство ~ понятное, популярное, задорное и сатирическое - ближе всего было к эстетическим вкусам народных масс.

В странах буддийской религии, в особенности в Индии, носителями этой народной художественной мудрости была каста бродячих актеров и мастеров - шильпи, которые из века в век сохраняли народные представления о красоте, несмотря на сильнейшее давление буддийской религии. Огромное значение в средневековой Индии имели народные сказители. ...Его образные слова рисовали картины героизма и жертв, борьбы и раздоров, всегда

увенчивавшихся торжеством правды и добродетели... Выполняя множество функций, сказитель служил средоточием общественной жизни деревни... Сказители почти никогда не забывали о том, что их слушают крестьяне.

Причем, как правило, эти народные представления носили социально-оптимистический характер, были связаны с осуждением феодального произвола, религиозного фанатизма и национальной нетерпимости.

В этих театрализованных представлениях еще сохраняется связь с мифологическим сознанием; они по своей сути также были синтетическими. Этот синтезирующий характер народного представления оказался органически необходим одному из важнейших элементов всякой религии - религиозным действиям, религиозному культу.

Религия немислима без определенной системы действий, т. е. обрядов, праздников, строго разработанных принципов церковной литургии в стенах храма, торжественных служб и шествий. И все это, безусловно, должно обладать определенной эстетической привлекательностью, эмоционально волновать верующего, возбуждать в нем религиозные настроения и чувства. Именно поэтому церковь неизбежно должна была обращаться к формам драматического действия, к созданию религиозных драматических представлений. Безусловно, такое религиозное театрализованное представление должно было проходить в соответствующей эстетической среде, в соответствующем художественном интерьере и экстерьере.

Такая эстетическая среда создавалась церковной архитектурой, не менее эмоционально воздействующей, чем само драматическое действо. Церковная архитектура становилась необходимым эстетическим фоном, связующим воедино всю систему художественного воздействия. Строгие и скромные храмы византийской базилики, трогательные и интимные церковки Ростово-Суздальской земли, суровые и величественные соборы Новгорода и Пскова, пышные и торжественные церкви Московского пятиглавия, стремительно взлетающие вверх готические храмы европейского средневековья, ритмы

крыльев буддийской пагоды и плывущие силуэты мусульманской мечети - все это органично вплеталось в сложную систему искусств мировых религий

Эстетическое, эмоциональное воздействие слона и драматического действа не может быть почувствовано и понято во всей глубине вне той церковной архитектурной среды, в которой оно осуществлялось, в которой оно дышало и жило.

Эта сложная система взаимодействия искусства и религий должна была создать устойчивую и внутренне непротиворечивую основу религиозно-эстетической жизни. Реальный процесс взаимодействия мировых религий и искусства, конечно, создал определенную целостность, функционирующую в основном на уровне культурно-духовном и социальном.

Духовно-культурная целостность, в которой взаимодействуют искусство и религия, в значительной степени может быть определена как система, т. е. как множество определенным образом друг с другом связанных и координированно действующих отношений, определяющих ее специфическое существование. Таким образом, эта целостность была весьма противоречивой, причем это противоречие носило не столько характер оппозиции, внешнего противостояния, сколько характер органической несовместимости, характер антагонизма. Эта внутренняя противоречивость данной целостности, взаимодействия искусства и религии, особенно глубоко проявлялась на основных уровнях: социальном, гносеологическом, эстетически-эмоциональном.